UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322661 0

21
Book No 280.
Russ. D Clu

№ 28

Содержаніе:

Подъ розгой. разсказъ
изъ жизни солдата
Какъ царь Ахреянъ
ходилъ Богу жаловаться
разсказъ.
Романтикъ. М. Горькій
За одно слово. разсказъ
В. С. Морозова съ предисло-
віемъ Льва Н. Толстого.
Дѣти. М. Горькій.

RUSSIAN BRANCH
QUINCY, MASS.
SOCIALIST PARTY

ПОДЪ РОЗГОЙ.

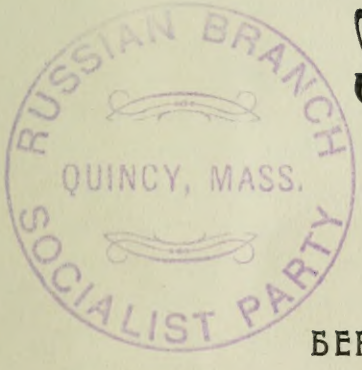
RUSSIAN BRANCH
QUINCY, MASS.
SOCIALIST PARTY

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/podrozgo00berl

ПОДЪ РОЗГОЙ

ИЗЪ ЖИЗНИ СОЛДАТА.



БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

PG
3450
A1 P63

LIBRARY
MAR 26 1964
UNIVERSITY OF TORONTO

889033.

RUSSIAN BRANCH
QUINCY, MASS.
SOCIALIST PARTY

Подъ розгой.

Изъ жизни солдата.

I.

По голой, выжженной степи, при 40 градусной жарѣ, цѣлый день маршировали солдаты подъ тактъ барабановъ и громъ музыки. Жара истомила этихъ людей подъ конецъ дня до такой степени, что они еле передвигали ноги. Шагали они цѣлый день въ полной боевой амуниціи. Ранецъ набитый, полагавшимися по закону, вещами, отдавливалъ плечи. Ремни, идущіе отъ ранца черезъ плечи, къ поясу, съ двумя висѣвшими на немъ патронными сумками, оттягивали его вверхъ, къ груди, стягивали ее и стѣсняли свободное дыханіе. Искусно скатанная шинель, серединой своей лежавшая на лѣвомъ плечѣ и проходившая черезъ всю грудь, сдавливали ее и спину. Двѣнадцати-

фунтовое ружье, лежавшее на переброшенной чрезъ плечо шинели, гнуло къ землѣ.

Степь своимъ однообразіемъ и отсутствіемъ жизни наводила уныніе и вселяла въ сердца людей тоску и скуку, ослаблявшія ихъ еще болѣе. Кое-гдѣ по степи валялись люди, упавшіе во время маневровъ и съ терпѣніемъ ожидавшіе приближенія фургона Краснаго Креста.

Къ нимъ подъѣзжали фургоны Краснаго Креста. Фельдшера со злостью соскакивали съ козелъ и, ругаясь матерными словами, начинали возиться около тяжело дышавшихъ солдатъ. Грубо срывали они амуницію, растегивали мундиръ и, не обращали вниманіе на болѣзненные стоны, втаскивали больныхъ въ фургонъ.

Промаршировавъ цѣлый день подъ палящими лучами солнца, утомленные, голодные солдаты еле добрели до казармы, расположенной въ центрѣ одного изъ южныхъ городовъ.

Казарма состояла изъ нѣсколькихъ громадныхъ комнатъ, по однѣмъ сторонамъ которыхъ, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, были разставлены койки.

Вернуошись въ казарму, каждый солдатъ, по обыкновенію, первымъ дѣломъ брался за чистку ружья, патроновъ, котелка, ремней, сапогъ, а затѣмъ, закусивъ пайкомъ, валился на койку и почти моментально засыпалъ. Казарма съ вечера тускло освѣщалась двумя лампами, висѣвшими на искривленныхъ, несоразмѣрно большихъ гвоздяхъ.

Солдаты спали на своихъ койкахъ, раскинувъ руки и ноги, часто ворачаясь и продѣлывая во снѣ различные артикулы, крѣпко засѣвшіе въ ихъ мозгахъ.

— Разъ, два, три, — во снѣ говорилъ какой нибудь молоденькій солдатикъ и въ тактъ билъ по соломенному тюфяку лѣвой и правой ногой.

— Лѣвая, правая, — вторилъ другой, вспоминая часто повторяющуюся команду своего командира.

— О, Боже-жъ мій! — глубоко вздыхалъ молодой хохолъ, съ длинными пушистыми усами, бросавшими на все лицо тонкую тѣнь.

Въ углу у дверей большой комнаты стоялъ столъ, у котораго сидѣлъ дневальный, боровшійся со сномъ, незамѣтно подкрадывавшемуся къ нему. Глаза слипались; голова, точ-

но налитая свинцомъ, тяжело опускалась на грудь и солдатъ забывался. Но какой-нибудь шумъ, врывавшійся извнѣ, будилъ сознаніе, что онъ солдатъ, поставленный на часы, долженъ бодрствовать. Онъ вскакивалъ на ноги, мутными глазами обводилъ казарму, убѣждался, что все „обстоитъ благополучно“ и усаживался снова на табуретъ, давая себѣ слово болѣе не закрывать глазъ. Но черезъ минуты двѣ, три онъ начиналъ продѣлывать тоже самое. Въ иныя минуты ему дѣлалось страшно. Не совсѣмъ внятныя слова, возгласы, стоны, крики, смѣшиваемые съ командой, произносимой солдатами, тишина лѣтней ночи — все это, взятое вмѣстѣ, наводило на него какой-то страхъ. Воспитанный на суевѣріи, сжившійся съ нимъ, дневальный начиналъ въ противоположномъ углу различать его — чернаго съ рогами и хвостомъ, съ оскаленными зубами, смѣющагося. Тогда дневальный вскакивалъ и бросался къ первой попавшейся койкѣ и начиналъ будить спящаго товарища.

— Вставай, чертъ проклятый! У, окаянный!... Дрыхнетъ, морда. Да проснись, дьяволъ!...

— Что-о, — испуганно спрашиваетъ солдатъ, на мигъ приходя въ сознаніе и падая на подушку.

— Ишь, подлецъ, раскрылъ зеньки и ничего не понимаетъ, у!

Дневальный приходилъ въ себя, призракъ вмѣстѣ съ разбуженнымъ человѣкомъ исчезалъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезалъ и необъяснимый страхъ. Солдатъ успокоивался, незамѣтно для самого себя усаживался по удобнѣе на своемъ мѣстѣ, снова начиналъ бороться со сномъ и видѣніемъ и, измученный, часто сдавался на капитуляцію. Сдавшись, онъ засыпалъ крѣпкимъ сномъ и изрѣдка вслухъ произносилъ: „все об...сто...итъ благо...по...“ — конецъ послѣдняго слова такъ и застывалъ у него на языкѣ.

Все это по обыкновенію можно было наблюдать каждую ночь... Съ полночи и на этотъ разъ вся казарма спала за исключеніемъ Грицька Блохи.

II.

Грицько Блоха былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей 6-ой роты Минскаго полка. Запѣвало, плясунъ и забавникъ съ прибаутками на каждый случай, Грицько Блоха былъ любимцемъ всей роты, но самъ онъ все же не могъ сжиться съ казарменной обстановкой; его вѣчно влекло къ себѣ, въ деревню, гдѣ его ждала черноокая Оксана.

Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, Грицько исчезъ. Солдатики сначала крѣпко тужили, а потомъ стали уже забывать своего любимчика, какъ вдругъ пронеслась молва, что Грицько арестованъ въ своей деревнѣ и препровожденъ назадъ въ полкъ.

Не хотѣлось вѣрить солдатамъ, что Грицька могли арестовать, но фактъ былъ на лицо. На ротномъ дворѣ показался Грицько въ сопровожденіи полиціи. Солдаты не успѣли даже хорошенько пораспросить его, какъ его тотчасъ увели на гауптвахту и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова появился на ротномъ дворѣ, но уже въ качествѣ штрафованнаго.

Грицько Блоха и теперь продолжалъ состоять офиціальнымъ запѣваломъ и теперь продолжалъ веселить свою роту и батальонъ, но въ пѣсьняхъ затягиваемыхъ имъ, все чаще и чаще слышались ноты неподдѣльной грусти и тоски. Веселая пѣсня нерѣдко обрывалась на полунотѣ.

Все чаще и чаще приходилось видѣть Грицько скучающимъ, все рѣже слышать его прибаутки и сказки. Поскучалъ Грицько и вдругъ снова исчезъ, но на этотъ разъ надолго.

— Ну, пропалъ солдатъ, — говорили товарищи.

— Да, здоровый парень и залихватскій солдатъ, а баба... — добавлялъ унтеръ.

— Баш-ко-о-ватый парень, — со вздохомъ добавлялъ онъ.—Былъ бы унтеръ, да дуранъ.

Солдатская жизнь пошла своимъ чередомъ и Грицько былъ забытъ. А онъ, сбросивъ съ себя доспѣхи солдатскаго званія, устроился дворникомъ въ сосѣднемъ городѣ и выписалъ свою Оксану и старуху мать. Но недолго пришлось ему наслаждаться свободой. Къ концу года его арестовали и снова отправили въ полкъ. Предали его военно-окруж-

ному суду за второй побѣгъ и за разстрату казенныхъ вещей и приговорили, какъ штрафованнаго, къ розгамъ. И впредь, до приведенія приговора въ исполненіе, Грицько былъ переведенъ изъ главной гауптвахты въ ротную.

III.

Вся казарма, задолго доутра спала крѣпкимъ сномъ, за исключеніемъ Грицька Блохи.

Всю ночь ворочался онъ на своемъ твердомъ ложѣ, часто вскакивалъ, всматривался въ темноту своего карцера и въ изнеможеніи падалъ на деревянную подставку, замявшую подушку.

— Грѣхъ, грѣхъ, — часто раздавалось въ ночной тишинѣ, руки Грицько складывались крестъ на крестъ на груди и солдатъ забывался. Но въ его сознаніи крѣпко засѣла мысль, что его должны будутъ высѣчь въ первый же послѣ этой ночи день и не давала ему уснуть. Она тревожила его сонъ, будила въ немъ представленіе о розгѣ и онъ въ ужасѣ падалъ на изголовье, съ головой ухо-

дилъ подъ шинель и на нѣсколько мгновеній какъ бы застывалъ.

Въ его измученномъ мозгу вставала плачущая и молящаяся Оксана, а за нею, темнымъ силуэтомъ, виднѣлась мать. Онъ силился прильнуть своею поболѣвшею грудью къ своей „дѣвчинѣ“ и забыться въ ея объятіяхъ, но она исчезала въ темнотѣ, маня его своими руками куда-то вдаль.

Подъ конецъ ночи и Грицько забылся, по крайней мѣрѣ онъ смирно лежалъ подъ своею щинелью, служившей ему и одѣяломъ, и тюфякомъ.

На востокѣ чуть-чуть забрезжило, просыпалось утро. Дневальный, едва не пропустившій время, опрометью бросился къ горнисту и, сорвавъ съ него одѣяло, сталъ сильно дергать его за руку.

— Ну-у, морда цыганская, вставай! Вставай, долго ли до грѣха! . . .

Горнистъ долго смотрѣлъ на дневальнаго и никакъ не могъ взять въ толкъ, чего отъ него хотятъ, и только когда дневальный ткнулъ трубой ему въ зубы, онъ пришелъ въ себя.

— Стерьва проклятая, — продолжалъ кричать дневальный. — Спитъ, цыганская морда, хоть убей его. Какъ ткнешь въ зубы трубой, тогда просыпается, у!

А горнистъ при первомъ прикосновеніи къ его губамъ трубы, пришелъ въ себя, схватилъ трубу, напрягъ всѣ силы своихъ легкихъ и по казармѣ пронеслись пронзительные звуки.

Тра-та-та! Тра-та-та! — раздавались въ утренней тишинѣ рѣзкіе звуки, непріятно врываясь въ уши.

— Вставать, вставать, — кричалъ дневальный. — Живо, живо, — подтарапливалъ онъ.

У изголовья солдатъ, продолжавшихъ спокойно лежать, горнистъ останавливался, наклонялся къ самому уху ихъ, до красна раздувалъ свои щеки и въ воздухѣ проносились дикіе, рѣзкіе звуки.

Мало кто могъ выдержать такую музыку. Всѣ хватались за уши и начинали ругать горниста самыми отборными словами.

Вскакивая, солдаты быстро накрывали койку одѣяломъ, набрасывали на себя солдатскую одежу, и смѣшили умыться, помолиться и закусить сухарями и дождаться призыва.

Съ первымъ призывомъ горниста проснулся и Грицько. Его сразу охватила мысль, что его сегодня будутъ сѣчь. Онъ усѣлся на своей кровати и что то долго обдумывалъ. Часто вздыхая, теребя свою маленькую бородку, успѣвшую отрости за время заключенія, — онъ не могъ дождаться „конца“. Опороченный переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ, къ которому должно будетъ прибавиться такое наказаніе какъ сѣченіе, онъ никакъ не могъ вообразить себѣ, какъ онъ покажется на глаза своей Оксаны и вообще на глаза людей. Ему дѣлалось обидно, а главное стыдно, позорно стыдно. Онъ сваливался на свое ложе и старался подавить горе, принимавшее вмѣстѣ съ приближеніемъ къ вечеру, все большіе размѣры . . .

Былъ такой моментъ, когда ему пришла въ голову мысль — наложить на себя руки. И эту мысль онъ серьезно обдумывалъ, но инстинктивный страхъ передъ тѣмъ, что ему придется отвѣчать за это на страшномъ судѣ и понесть еще бо́льшее наказаніе за загубленную душу, дѣйствовалъ на него такъ, что онъ ничего не могъ предпринять.

Къ дверямъ его карцера въ продолженіи дня нѣсколько разъ подходилъ дневальный, но каждый разъ заставалъ его въ одной и той же позѣ. Грицько лежалъ на спинѣ съ закинутыми подъ голову руками, съ устремленными глазами въ одну точку.

— Грицько, а Грицько, брось . . . . гмъ, Грицько, — кричалъ дневальный, но Грицько не шевелился.

Дневальный энергично сплевывалъ черезъ зубы, поводилъ въ недоумѣніе плечами и принималъ болѣе дѣйствующія средства.

— Хлопче, курить небойсь хошь . . . на, затянись покрѣпче, все горе и пройдетъ . . .

Но Грицько не шевелился.

Время между тѣмъ шло. Уже успѣли вернуться солдаты съ поля сраженія, гдѣ они разстрѣляли изрядное количество патроновъ по „непріятелю“, успѣли нахлебаться кислыхъ щей и теперь, каждый, сидя у своей койки, занимался кто чѣмъ хотѣлъ. Кто чистилъ патроны, кто ружье, кто чинилъ мундиръ, бѣлье, а кто, раздѣвшись почти до гола, валялся на койкѣ, наслаждаясь полнымъ отдыхомъ . . .

День былъ субботній и вечерняго ученія, т. е. послѣобѣденнаго, не предстояло, за то предстояло наказаніе Грицька Блохи.

Каждый солдатъ зналъ, что сегодня будутъ сѣчь Грицька, но никто объ этомъ не заговаривалъ, стараясь не дѣлать никакихъ намековъ. И этотъ „вопросъ“ никогда даже не обсуждался ни однимъ изъ солдатъ, хотя всѣ „вопросы“, имѣющіе какое бы то ни было отношеніе къ солдатской жизни, все-таки обсуждались. А объ этомъ наказаніи старались молчать и не вспоминать о немъ . . .

Въ 5 часовъ вечера раздалась команда:

— Выходи на дворъ! Стройся! Живо! — это кричалъ дежурный по ротѣ.

Люди повскакивали съ своихъ мѣстъ, облачились въ формы и превратились въ солдатъ.

Каждый изъ нихъ хорошо зналъ куда ихъ должны будутъ повести сейчасъ, но никто не заговаривалъ о предстоящемъ зрѣлищѣ и можно сказать, что если не всѣ, то громадное большинство было угрюмо.

IV.

Солнце быстро опускалось. Вдали показался баталіонный командиръ на бѣломъ жеребцѣ, вывезенномъ изъ Турціи.

— Смирно, на пле-чо! — пронеслась команда старшаго офицера.

— На кра-улъ! — раздалась команда въ тотъ самый моментъ, когда голова лошади поравнялась съ право фланговымъ 5-ой роты.

Солдаты, выполнивъ послѣднюю команду, застыли въ своихъ позахъ и старались „не дышать“.

Баталіонный командиръ соколомъ налетѣлъ на правый флангъ 5-ой роты и, закрычавъ зычнымъ голосомъ „здорово молодцы“, пролетѣлъ по всему фронту батальона. Солдаты гаркнули во всю мочь своихъ молодыхъ голосовъ „здравія желаемъ ваше высокородіе“ и провожали глазами начальство.

Строго слѣдилъ баталіонный командиръ за тѣмъ, чтобы послѣднее слово солдатскаго привѣтствія обрывалось въ тотъ самый моментъ, когда задъ лошади былъ на равнѣ съ лѣво фланговымъ 8-ой роты. Плохо приходилось солдатамъ если это не удавалось.

Проскакавъ весь баталіонъ, командиръ обыкновенно сдерживалъ лошадь и шагомъ возвращался обратно по флангу баталіона къ право-фланговому. Сдѣлалъ онъ и сегодня тоже самое.

— Звѣремъ смотри! Въ глаза начальству, смотри! — сурово говорилъ старый воинъ, вглядываясь въ глаза своихъ подчиненныхъ.

Солдаты пялили глаза, стараясь придать своему лицу звѣрское выраженіе.

— Ѣшь глазами начальство! — покрикивалъ вояка. — Ѣшь! А ты, сволочь, какъ стоишь, — мимоходомъ, замѣтилъ онъ какому то солдату. — Ѣшь!... Ѣшь!...

Солдаты „старались“ превратить выраженіе своего лица въ плотоядное и придать ему выраженіе того момента, когда „звѣрь“ ѣстъ.

По окончаніи объѣзда, баталіонный командиръ отдалъ приказаніе и роты, взявъ предварительно „ружье вольно“, зашли такимъ образомъ, что образовали квадратъ... Предстояла расвязка...

V.

Вмѣстѣ съ баталіономъ былъ выведенъ на плацъ и Грицько Блоха. Онъ стоялъ за второй шеренгой на лѣвомъ флангѣ 8-ой роты. Руки его безсильно висѣли по обѣимъ сторонамъ туловища, голова далеко ушла въ плечи, глаза жалки смотрѣли изъ подлобья; полусогнутыя плечи съ упавшей грудью довершали жалкую, бѣдную фигуру Грицька. При объѣздѣ баталіона командиромъ, Грицько старался принять бравый видъ и „звѣремъ“ смотрѣлъ на начальство, но у него изъ этого ничего не вышло. Онъ тоже было началъ отвѣчать на привѣтствіе командира, но изъ его горла вылетѣли первые два-три звука, а потомъ горловыя связки отказались повиноваться.

Когда баталіонъ, по командѣ своего командира, образовалъ квадратъ, то Грицько очутился въ серединѣ его.

— Отъ каждой роты по человѣку, — громко скомандовалъ баталіонный командиръ.

Четыре, заранѣе выбранные солдаты, вышли впередъ и подошли къ Грицько. Грицько

еще ниже опустилъ голову на грудь и, изрѣдка вздыхая, нервно вздрагивалъ.

— Розги готовы? — прокричалъ кому-то командиръ.

Грицько вздрогнулъ, осмотрѣлся и застылъ въ позѣ человѣка, ожидающаго удара.

— Точно такъ ваше высокоблагородіе, — отвѣтилъ кто то, громко отчеканивая каждое слово.

— Выноси же, чего ждешь! Экіе остолопы, — продолжалъ не то кричать, не то командовать командиръ.

Какой то солдатъ далеко не солдатскимъ шагомъ тащилъ на плечахъ довольно толстый пукъ прутьевъ.

— Какъ идешь? Тверже ногу... разъ, два... тверже ногу... Какъ держишь подбородокъ... выдерживай тактъ.

Солдатъ старался принять къ свѣдѣнію и руководству весь этотъ наборъ приказаній, но нога отказывалась повиноваться, подбородокъ не убирался назадъ и чѣмъ ближе подходилъ солдатъ къ тому мѣсту, гдѣ находился Грицько, тѣмъ больше выходилъ изъ себя баталіонный командиръ.

Четыре солдата, стоявшіе вблизи Грицько, тоже держали себя не такъ, какъ это подобаетъ ихъ солдатскому званію. Солдаты бросали взгляды по сторонамъ, искоса посматривали на Грицько и часто „поддавали“ ступни ногъ.

— Какъ стоишь? — вдругъ набросился командиръ, увидя жалкую, безпомощную фигуру Грицько, который при приближеніи солдата, несущаго розги, еще болѣе съёжился.

— Смирно! — заоралъ баталіонный, подлетѣвъ къ самому его уху.

— У, баба! Шкодить умѣешь, а какъ дошелъ до дѣла, — испугался. Эхъ ты, паршивая сволочь. Выше голову! Смотри „звѣремъ“, смотри молодцомъ! Такъ! — кричалъ командиръ надъ самымъ ухомъ Грицько, держа передъ его лицомъ здоровый кулакъ. Опытный глазъ стараго вояка давно подмѣтилъ, что вызванные солдаты и особенно Грицько, теряютъ обычную стойкость и выдержанность и это выводило его изъ себя.

Грицько старался превратиться въ „молодца“. Онъ поднялъ голову, убралъ подбородокъ, выпрямилъ грудь, подобралъ животъ,

расправилъ руки, но все это ему очень плохо удавалось. „Что-то“ давило его и „что-то“ превращало его въ бабу и онъ никакъ не могъ совладать съ собой.

— Да какъ ты смотришь!? Смотри веселѣй, — продолжалъ орать баталіонный командиръ.

Постарался было Грицько посмотрѣтъ „веселѣй“, вскинулъ было онъ на своего командира глаза, но они, кромѣ горя и страданія, ничего не выражали. Это окончательно вывело командира изъ себя и на голову Грицько посыпался рядъ ударовъ здоровенныхъ кулаковъ.

Послѣ того, какъ Грицько, по мнѣнію командира, сталъ смотрѣть „веселѣй“, онъ обратился къ баталіону:

— Смирно! Баталіонъ, на пле-чо!*)

Баталіонъ дружно, отчетливо исполнилъ команду и продолжалъ стоять, держа „на плечо“.

Началось чтеніе приказа и постановленіе суда относительно наказанія Грицько Блохи.

---

*) Въ то время, о которомъ ведется разсказъ, ружейные пріемы дѣлались иначе, чѣмъ теперь.

По окончаніи чтенія приказа баталіонъ взялъ „къ ногѣ“.

— Ну, ложись, чего стоишь? — обратился командиръ къ Грицько.

Грицько, еле переводя дыханіе, сбросилъ шинель и остался въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Шинель была разослана во всю ширину и Грицько сталъ спускать свои подштанники.... Руки у него дрожали и пальцы никакъ не повиновались. Кое какъ справившись съ этимъ дѣломъ, Грицько задралъ рубаху, обнажилъ свое тѣло, перекрестился и довольно рѣшительно опустился на шинель. Лицо его перекосилось, худыя обнаженныя ноги дрожали, точно его сильно была лихорадка. Баталіонъ оставался неподвижнымъ.

Что волновало людей этого баталіона я не знаю. Чувства, одушевлявшія ихъ, какъ людей, скрыты были за солдатскимъ мундиромъ и ихъ лица оставались безстрастными, точно каменныя. Дисциплина сковала у нихъ способность отзываться на такія впечатлѣнія.

Обнаженное тѣло Грицько дежало на шинели, все туловище продолжало нервно вздрагивать. Ожиданіе было мучительно.

— Садись на ноги, а ты на плечи, — приказалъ командиръ двумъ солдатамъ, раньше вызваннымъ изъ баталіона. Солдаты усѣлись, придавивъ тяжестью своихъ тѣлъ ноги и грудь Грицько. Грицько вцѣпился зубами въ руки и... замеръ.

— Начинай, а ты считай! — отдалъ командиръ приказаніе двумъ солдатамъ, оставшимся стоять.

Одинъ изъ солдатъ взялъ розги въ руки и безсмысленно смотрѣлъ куда то впередъ, а другой переминался съ ноги на ногу и, видимо, не зналъ, что ему дѣлать. Оба они были блѣдны, а по серьезнымъ лицамъ можно было судить, что они въ эту минуту переживаютъ нѣчто очень сложное.

— Ну!...

— Разъ! — какъ-то неестественно громко вскрикнулъ солдатъ, на обязанности котораго лежало считать.

Розга взвилась вверхъ, застыла на одну секунду въ пространствѣ и, сильно разсѣкая воздухъ, изгибаясь въ рукахъ солдата точно змѣя, опустилась на тѣло Грицько и... впилась. Тѣло Грицько вздрогнуло, концы ногъ, оставшіеся свободными, сдѣлали кон-

вульсивное движеніе, зубы, впившіеся въ руку, оторвались отъ посинѣвшей кожи, голова неестественно быстро поднялась вверхъ и тотчасъ опустилась къ землѣ съ перекошеннымъ отъ боли лицомъ. Раздался болезненный стонъ. На тѣлѣ остался красно-багровый слѣдъ.

— Два! — тонкимъ фальцетомъ какъ то въ бокъ продолжалъ считать солдатъ.

— Выжидай команду! — строго прокричалъ старый командиръ, завидя что солдатъ, сѣкущій Грицько, не задолго до команды „два“ приподнялъ розгу вверхъ.

Розга снова поднялась вверхъ и снова опустилась. Грицько не выдержалъ, изъ груди его вырвался наболѣвшій стонъ, перешедшій въ крикъ.

— О, мамо! на шожъ ты породила меня на Божій свѣтъ! Мамо! Мамо!

— Молчать, баба! — съ презрѣніемъ кричалъ командиръ. — Мѣняй розгу послѣ каждаго удара, да смотри, не закрывай глазъ... мерзавецъ! — обратился командиръ къ тому кто сѣкъ. Солдатъ перемѣнилъ розгу и, глубоко дыша, разставивъ ноги, съ испугомъ смотрѣлъ на два красно-багровые слѣда.

Напряженныя, внимательныя лица двухъ солдатъ, сидѣвшихъ на туловищѣ Грицько, съ устремленными въ одну точку глазами, говорили о томъ съ какимъ ужасомъ и отвращеніемъ они слѣдили за тѣмъ, что дѣлалъ каждый ударъ и болѣзненно ждали слѣдующаго...

— Три!...

И опять тоже, но съ нѣкоторой разницей. При первыхъ двухъ ударахъ рука, опускавшая розгу, быстро отдѣляла ее отъ тѣла, теперь оно этого не сдѣлала. Лицо солдата, производящаго удары, сдѣлалось теперь болѣе безстрастнымъ, почти безсмысленнымъ. Розга впилась въ тѣло, показалась кровь. Грицько охватила теперь нечеловѣческая боль и онъ во всю силу своихъ легкихъ заоралъ:

— Оксано! Оксано!... Мамо, мамо! О, мамочко моя!...

— Четыре!... Пять!...

Розга дѣлала свое дѣло. Кровь лилась ручьями, покрывъ собою синебагровые слѣды. Грицько послѣ нѣсколькихъ ударовъ пересталъ взывать къ матери, этой утѣши-

тельницѣ и страдалицѣ всякихъ скорбей своихъ дѣтей. Крикъ „мамо!“ „мамо!“ перешелъ теперь въ хрипъ.

Да! въ этотъ ужасный моментъ ни одна мать не выстояла бы. Она бросилась бы, какъ львица, къ своему дѣтищу и старалась бы защитить своимъ старымъ тѣломъ, тѣло своего сына и, быть можетъ, тронула бы сердца этихъ людей.

Солдаты, производившіе экзекуцію, „свято“ исполняли свой долгъ. Имъ приказали сѣчь человѣка, своего же брата, солдата, и они сѣкли. Никому изъ нихъ не могла бы прійти въ голову мысль неисполнить приказаніе своего начальства. Другимъ приказано было стоять „смирно“ во время этой казни и любоваться зрѣлищемъ и они стояли „смирно“. Никому, ни солдатамъ, ни офицерамъ не могла прійти въ голову мысль на сколько была позорна и безчестна роль безстрастныхъ и пассивныхъ зрителей этого злостнаго и позорнаго мученія. Никому изъ нихъ не приходила въ голову мысль, что имъ быть можетъ когда нибудь прійдется, вмѣстѣ съ опозореннымъ и обезчещеннымъ ими же Грицько, защищать и проливать кровь

за „царя и отечество“ отъ какого нибудь врага!...

Одинъ солдатъ продолжалъ считать, другой сѣчь, два другихъ сидѣть на тѣлѣ Грицько. Грицько!... Ему было больно, нечеловѣчески больно. Онъ, въ концѣ концовъ, пересталъ кричать. Онъ не въ силахъ былъ даже крикомъ ослабить впечатлѣніе, а только хрипѣлъ и корчился, извиваясь подъ ударами розогъ.

— Сто! — прокричалъ въ послѣдній разъ солдатъ и облегченно вздохнулъ...

Розга въ послѣдній разъ взвилась въ воздухѣ и тяжело опустилась на тѣло Грицько! Рука солдата, отъ непривычнаго движенія, одеревѣнила и ему приходилось дѣлать усиліе, чтобы поднимать ее каждый разъ. Въ послѣдній разъ розга послѣ удара вылетѣла изъ его руки и солдатъ сконфужено смотрѣлъ вокругъ.

— Ну, вставай! — скомандовалъ командиръ.

Грицько съ трудомъ поднялся. Ему было больно, стыдно. Еле застегнувъ штаны, накинувъ на себя шинель, блѣдный съ страдающимъ лицомъ стоялъ Грицько. Что онъ думалъ, да думалъ ли онъ вообще что нибудь въ этотъ моментъ?!

— Ну, ступай въ казарму, да будь молодцомъ у меня. Смотри!... — пригрозилъ командиръ.

Грицько хотѣлъ было повернуться по всѣмъ правиламъ выучки, но у него вышло это вяло неуклюже...

— Какъ ворочаешься! — неудержался и въ этотъ разъ командиръ замѣтивъ неловкость поворота.

— Разъ!.. Два!.. тверже ногу! — кричалъ ему старый воякъ.

Грицько шелъ точно пьяный и два солдата, бывшіе при немъ въ качествѣ конвоя, старались его поддерживать но дѣлали это такъ, чтобы этого не замѣтилъ командиръ...

Баталіонъ, по командѣ своего командира разошелся въ казармы; туда направился и Грицько Блоха, гдѣ и затерялся въ сѣрой солдатской массѣ.

Сдѣлался ли Грицько „молодцомъ“ или онъ не пережилъ такого поруганія, а наложилъ на себя руки, или какъ нибудь свихнулся — этотъ вопросъ никого не могъ интересовать!...

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

♡♡♡

ПИСЬМО о ЕГО УЧЕНІИ

Община и міръ. — Внѣшнее и внутреннее единеніе. — Ложь и вѣра. — О любви и жизни. — Изъ частныхъ писемъ и бумагъ разнаго времени. — Изъ писемъ послѣдняго времени. — Нѣсколько мыслей о болѣзни и смерти.

Цѣна 1 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ

МЫСЛИ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Собранныя

Владиміромъ Чертковымъ.

Не въ силѣ Богъ а въ правдѣ

Цѣна 1 м. 50 пф.

КАКЪ ЦАРЬ АХРЕЯНЪ

ХОДИЛЪ БОГУ ЖАЛОВАТЬСЯ.

СКАЗКА ПРО ТО

КАКЪ ЦАРЬ АХРЕЯНЪ

ХОДИЛЪ БОГУ ЖАЛОВАТЬСЯ

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!

БЕРЛИНЪ 1903.
ИЗДАНІЕ ГУГО ШТЕЙНИЦА.
Шарлоттенштрассе 2.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Боже царя храни!
Деспоту долгіе дни
Ты ниспошли.
Сильный жандармами,
Гордый казармами
Царствуй на страхъ сынамъ
Руси безправной,
Царь православный,
Царствуй на страхъ глупцамъ!
Врагъ просвѣщенія
Въ царствѣ хищенія
Мирно живи!
Всѣхъ, кто свободу
Ищетъ народу,
Бей и дави!
Твой голодающій,
Вѣчно страдающій,

Бѣдный народъ
Въ храмахъ моленія
Благословенія
Все тебѣ шлетъ.
Время настанетъ,
Солнце проглянетъ,
Разбудитъ борцовъ . . .
Пользуйся временемъ!
Царствуй надъ племенемъ
Жалкихъ рабовъ.

„Народъ“, Львів, 1891, Ч. 20—21.

RUSSIAN BRANCH
QUINCY, MASS.
SOCIALIST PARTY

СКАЗКА ПРО ТО

КАКЪ ЦАРЬ АХРЕЯНЪ

ХОДИЛЪ БОГУ ЖАЛОВАТЬСЯ.

Не бояръ, не вельможъ тароватыхъ,
Не боярынь-красавицъ привѣтливыхъ
Потѣшать я хочу сказкой новою,
Краснымъ словомъ, что бисеръ нанизаннымъ:
Гусляру-молодцу, парню вольному
Не корыстны подачки боярскія, —
Съ гордыхъ плечъ дорогія обносочки,
Со столовъ со вельможныхъ объѣдочки, —
Милость барская — сытость кисельная! . . .

* * *

Охъ ты гой еси голь перекатная,
Перекатная голь, — непокрытая!

Для тебя моя сказка сложилася,
Чтобы ты, голытьба, распотѣшилась,
Да сквозь слезы свои вѣковѣчныя
Хоть разокъ отъ души разсмѣялася!

I.

Далеко-ли отъ насъ, — догадайтеся, —
И давно-ли — смекните ребятушки,
Было царство издревле крещеное,
Споконъ вѣку — большое, могучее;
Въ берегахъ во крутыхъ, во кисельныихъ
Протекали тамъ рѣченьки быстрыя,
Все молочныя рѣчьки, медовыя, —
Что моря — океаны глубокія;
Золотыя-ли горы высокія
Поднимались до синяго до неба;
Зеленѣли лѣса изумрудные
Выше облака въ небѣ ходячаго;
Рожь-пшеница, кормилица матушка,
Все-то краснаго, чистаго золота,
Что морская вода разливалася,
А привольныя степи широкія,
Что ковры дорогіе персидскіе,
Разстилались отъ моря и до моря,

Города — золоченыя маковки,
Тамъ росли, что грибы во сыромъ бору;
Нарождалась тамъ люду хрестьянскаго
Да такая несмѣтная силушка, —
Звѣздочеты считали, да сбилися . . .

* * *

Все то было въ той дивной сторонушкѣ, —
Одного только братцы тамъ не было:
Не жилось тамъ Святой Правдѣ-Матушкѣ,
А съ того и все царство въ раззоръ пришло:
Обмѣлѣли совсѣмъ, пересякнули
Тѣ молочныя рѣчки медовыя;
Золотыя все горы высокія
Обратились въ пески рудожелтые;
Вѣковые лѣса изумрудные
На корню засыхали, валилися,
Рожь-пшеница, кормилица матушка,
Заростала полынью-кропивою,
Лебедою-травой ядовитою;
Тѣснота-духота подневольная
Развелась во степномъ во раздольицѣ;
Въ городахъ — золоченыя маковки,
Да и въ селахъ большихъ со приселками
Безталанному люду хрестьянскому,

Люду темному, люду бездольному,
Отъ неправды лихой житья не было . . .
И то царство большое, могучее
(Прозывалось оно „Ахреяновкой“)
У сосѣдушекъ въ грошъ не считалося,
У заморскихъ лихихъ пересмѣшниковъ
Не въ добрѣ, не въ чести было изстари;
Величалось лѣсной деревенщиной, —
Деревенщиной — глупой засельщиной . . .
Какъ про то разоренье — стыдобушку,
Про несносныя бѣды народныя
Знали вѣдали всѣ люди добрые, —
Слухомъ вся-то земля переполнилась;
Да не вѣдалъ не зналъ Православный царь,
Той страны государь недогадливый,
Ахреянъ, по отцу Ахреяновичъ.
Онъ сидѣлъ во своемъ стольномъ городѣ
На престолѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ
Въ золоченыхъ хоромахъ украшенныхъ,
За высокимъ за тыномъ желѣзнымъ, —
Для народа не слышно, не видимо:
Прохлаждался съ лихой полюбовницей,
Разноглазою Кривдой проклятою,
Да съ своею опричниной подлою:
Со князьями-боярами глупыми,
Дармоѣдами злыми, безпутными,

Съ неразумною думой боярскою,
Съ завидущимъ поповскимъ отродіемъ,
Съ загребущею сворой холопскою.
За высокимъ за тыномъ желѣзнымъ
Не слыхать ему стону народнаго,
Не слыхать ему хохоту вражьяго,
Не видать разоренья стыдобушки . . .
Долго дѣется дѣло, ребятушки,
Да не скоро и сказка разскажется:
Нашей сказки еще не конецъ пришелъ,
Наша сказка сейчасъ начинается . . .

II.

Не гроза въ небесахъ собиралася,
Загорѣлась не яркая молнія,
Да не громъ грохоталъ по поднебесьи, —
Собиралася свѣтъ Правда-Матушка
Во великій походъ на враговъ своихъ:
Ахреяна царя недоумочка
Со любовницей Кривдой проклятою
Да съ опричиной царскою подлою.
Свѣтитъ правда — что яркая молнія,
Созываетъ дружинушку храбрую
Громче страшнаго грома небеснаго:

„Ужъ ты гой еси, войско великое,
„Удалая дружинушка храбрая,
„Люди добрые, люди крещоные
„Духомъ истиннымъ Свѣта небеснаго:
„Въ комъ живая душа не померкнула,
„Не застыло еще сердце честное, —
„Соберитеся всѣ, содружитеся,
„Заступитеся грудью могучею,
„Теплой крови своей не жалѣючи,
„За моихъ обездоленныхъ дѣтушекъ,
„Разноглазою Кривдой замученныхъ,
„За меня-ли за Правду, за Истину!“. . .

* * *

Съ четырехъ со концовъ свѣта бѣлаго, —
И съ Востока, и съ Юга, и съ Запада,
И съ холоднаго дальнаго Сѣвера —
Откликалась дружина могучая.
Собиралась-сдружилась, сплотилася,
Становилась въ ряды неразрывные
Подъ святыми знаменами свѣтлыми,
Подступила ко стольному городу
Ахреяна-царя недоумочка,
Повалила высокій желѣзный тынъ,
Начинала сраженье великое —

Рукопашный бой — грудью могучею,
Теплой крови своей не жалѣючи,
Заступалась за Правду, за Истину,
За несчастный народъ обездоленный.
Ахреяну-царю за бѣду пришло;
Больно колетъ ему Правда матушка
Оловянныя очи безстыжія;
Услыхалъ Ахреянычъ народный стонъ,
Увидалъ разоренье-стыдобушку:
Зашатался подъ нимъ золотой престолъ
И тяжелая шапочка царская,
Съ головы неразумной свалилася.
Закричалъ онъ со страху великаго,
Завопилъ, словно поровъ зарѣзанный,
Заревѣлъ, какъ медвѣдь на рогатинѣ:
„Охъ ты гой еси, душенькая милая,
„Полюбовница царская вѣрная, —
„Разноглазая Кривда проклятая,
„Ты вставай со пуховой постелюшки,
„Одѣяльца шелковыя скидывай,
„Собери-ка опричину подлую, —
„Вишь, она на карачкахъ расползалась,
„Подхвативъ животишки трусливые, —
Выручайте меня, царя-батюшку! . . .“
Откликалася Кривда проклятая,
Говорила царю льстивымъ голосомъ:

„Не тужи, не горюй, православный царь, —
„Ахреянъ ты мой, свѣтъ Ахреяновичъ!
„Я тебя, ненаглядный мой, выручу;
„Правдѣ съ Кривдой во вѣки не справиться,
„Вѣдь дружина у ней — голь кабацкая,
„Неумытая голь, непокрытая;
„Не хитро намъ ту челядь ледащую
„Въ табачекъ растереть, да и вынюхать.
„У меня-ли войска все отборныя,
„Тридцать тысячъ полковъ безъ единаго,
„У меня-ли оружіе бранное,
„Самопалы, пищали заморскіе;
„У меня-ли подвалы глубокіе,
„Пытки страшныя, казни позорныя.
„Погоди-посиди, ненаглядный мой,
„Я какъ разъ это дѣльце обдѣлаю,
„Заживемъ мы съ тобою по старому".
И пошла на расправу жестокую
Разноглазая Кривда проклятая,
Собирала всю силушку темную,
Созывала войска все отборныя.
Тридцать тысячъ полковъ безъ единаго,
За тридцатымъ сама стачовилася;
Нападала на Правду, да съ хитростью:
Въ чистомъ полѣ капланы ей ставила,
Полонила — взяла Правду-матушку,

Изловила святую арканами,
Всю опутала цѣпью желѣзною,
Кандалы надѣвала тяжелые,
Запирала въ подвалы глубокіе,
Въ погреба-ли въ застѣночки крѣпкіе,
Отдавала на муки великія
Палачамъ молодцамъ въ поруганіе:
„Чтобъ не видѣла ты свѣта божьяго,
„Чтобъ во вѣки у насъ въ Ахреяновкѣ
„Не слыхать было духу постылаго,
„Того духу святого правдиваго!
„А дружину твою, голь кабацкую,
„Мы искрошимъ-изрубимъ безъ жалости,
„А кого не побьемъ, такъ въ полонъ возьмемъ,
„Запытаемъ-замучаемъ до смерти!“

* * *

Ну и диво тутъ, братцы, случилося:
Во подвалахъ во темныхъ глубокіихъ,
Правда матушка все таки свѣтится
Ярче лѣтняго солнышка краснаго.
Ярче молніи въ ноченьку бурную, —
Палачамъ-молодцамъ не убить ея:
Голосъ бѣщій въ застѣнкѣ гудитъ-гремитъ,
Громче страшнаго грома небеснаго:

„Стой, дружинушка, храбрая вѣрная!
„Стойте, братцы, за Правду, за Истину!“
И стоитъ удалая дружинушка,
Все рядами стоитъ неразрывными
Подъ святыми знаменами свѣтлыми;
На проломъ идетъ грудью могучею,
Теплой крови своей не жалѣючи;
Бьютъ ее, — а она прибавляется,
Разростается грозною тучею.
Осерчала тутъ Кривда проклатая,
Возвратилась домой къ полюбовнику
Ахреяну — царю недоумочку —
Говорила ему таковы слова;
„Охъ ты гой еси, царь недоумочекъ,
„Неразумный ты мой полюбовничекъ!
„Знать сильнѣе насъ Правда постылая!
„Мнѣ не справиться съ голью кабацкою,
„Бьешь ее, а она прибавляется,
„Разростается грозною тучею,
„До тебя до царя добирается!
„Надѣвай-ка ты глубоньку царскую,
„Надѣвай сапоги скороходные;
„Снаряжайся-ка въ путь во дороженьку, —
„Въ дальній путь, въ само царство небесное,
„Сбѣгай — Господу Богу пожалуйся
„На невѣрный народъ Ахреяновскій,

„На великую правду постылую;
„Захвати съ собой свѣчку семи пудовъ,
„Ставь къ престолу Его ко пресвѣтлому:
„Вѣдь не даромъ ты Божій помазанникъ!
„Пусть пошлетъ онъ намъ силы небесныя,
„За тебя, за царя, пусть заступится,
„За твое, за величество царское,
— „Заживемъ мы съ тобою по старому!
Испугался царекъ недоумочекъ,
Снарядился въ дорогу живой рукой,
Надѣвалъ сапоги скороходные,
Бралъ тяжелую свѣчку семи пудовъ,
Шелъ во свѣтлое царство небесное
Съ челобитьецемъ, слезною жалобой
На невѣрный народъ Ахреяновскій.

III.

Мало-ль, долго-ли шелъ онъ, ребятушки,
Шелъ все по небу, словно по лѣсенкѣ,
Со звѣзды на звѣзду перешагивалъ,
Бѣлы облачка вскокъ перепрыгивалъ,
И взобрался таки до седьмыхъ небесъ,
До пресвѣтлыхъ вратъ царства небеснаго;

Глядь — поглядь, анъ калитка затворена,
Петръ Апостолъ съ ключемъ на часахъ стоитъ,
Ахреянъ поклонился Апостолу,
Ожидалъ себѣ пропуску скораго,
Петръ апостолъ вскричалъ громкимъ голосомъ:
— „Человѣче! Откуда пожаловалъ?
„По какому ты виду здѣсь шляешься?
„Здѣсь у насъ въ небесахъ, нонѣ строгости:
„Выпускаемъ, впускаемъ съ оглядкою, —
„Не сбѣжали-бъ безъ спросу угоднички,
„Не зашли бы сюда безпашпортные,
„Покажи-кась свой видъ, не фальшивый-ли?
„На тебѣ, вишь одежа то царская,
„А по рожѣ видать, что холопъ прохвостъ!“
Ахреянъ на ту рѣчь обижается,
Гладитъ съ гордостью бороду царскую,
Отвѣчаетъ апостолу съ дерзостью:
„Аль ослѣпъ ты, Петруша, на старости, —
„У царя вздумалъ пашпорта спрашивать?
„Не призналъ что-ль знакомаго со слѣпу —
„Ахреяна-царя православнаго?
„Али свѣчъ тебѣ мало мы ставили?
„Мало ризъ золоченыхъ подѣлали?
„Аль не пѣли молебновъ съ акафистомъ?
„Не кадили что-ль въ носъ тебѣ ладаномъ?
„Аль ты, старый, не знаешь, не вѣдаешь,

„Что и всѣ мы, цари, Богомъ данные,
„Споконъ вѣку вѣковъ безпашпортные?
Осерчалъ Петръ Апостолъ, разгнѣвался,
Начинаетъ ротитися-клятися:
„Въ очно, смердъ-прохвостъ, завирается!
„Знать не знаю тебя и не вѣдаю, —
„Отродясь вашихъ свѣчъ я не видывалъ,
„Отродясь и молебновъ не слыхивалъ,
„Золочены ихъ ризокъ не нашивалъ! . .
„Охъ ты гой еси, стража небесная, —
„Всѣ святые архангелы — ангелы!
„Эй! хватайте бродягу — охальника,
„Самозванца-царя безпашпортнаго!
„Закрутите ему бѣлы рученьки,
„Да стащите къ Михайлѣ въ участочекъ,
„Пусть-ка ввергнетъ его въ тьму кромѣшную,
„Въ ту геену — кутузку вонючую".

* * *

Налетали архангелы-ангелы,
Ахреяна царя брали за руки,
Прикрутили веревками накрѣпко;
Брали царскую глубку за шиворотъ,
Повели Ахреяна въ участочекъ

Къ самому-ли Михайлѣ Архангелу.
Имъ на встрѣчу во образѣ странника
Чудотворецъ Миккола угодникъ шелъ;
Увидалъ онъ царя, да и сжалился
Надъ бѣдою его неминучею,
Надъ людскими слезами горючими,
Надъ мученьемъ души человѣческой;
Вопрошалъ Ахреяна онъ ласково:
„Человѣче! почто тебя мучаютъ?
„За какіе грѣхи твои тяжкіе
„Волокутъ во геену вонючую?“
„Падалъ царь Ахреянъ на колѣночки,
Слезно плакалъ молился угоднику:
„Охъ ты гой еси, Божій угодничекъ,
„Милосердный Святитель Микола-свѣтъ!
„Аль и ты не признаешь знакомаго,
„Своего-ли молельщика вѣрнаго,
„Ахреяна, царя православнаго?
„Али свѣчъ тебѣ мало я ставливалъ?
„Мало ризъ надарилъ раззолоченныхъ?
„Аль лѣнились попы толстопузые,
„Не пѣвали молебновъ-акафистовъ,
„Не кадили тебѣ божьимъ ладаномъ?
„Заступись за меня горемычнаго,
„Повели развязать руки бѣлыя,
„Проѣди меня къ Господу въ свѣтлый рай! . . “

Отвѣчаетъ угодникъ съ усмѣшкою:
„Хоть не знаю тебя и не вѣдаю,
„Хоть молебновъ поповскихъ не слыхивалъ
„И не нюхивалъ вашего ладану, —
„Все-жъ тебя, Ахреянъ, я помилую,
„Изъ бѣды неминучей повыручу,
„Провожу тебя къ Господу въ свѣтлый рай,
„Охъ ты гой еси, стража небесная,
„Отдавай-ка царя на поруку мнѣ!“
Разлеталась тутъ стража небесная,
Ахреяна съ Миколой оставили.
Вопрошалъ Ахреяна угодничекъ,
Самъ развязывалъ рученьки бѣлыя:
„Ты зачѣмъ же къ намъ, милый, пожаловалъ?“
Отвѣчалъ Ахреянъ, низко кланяясь:
„Я пришелъ, вишь ты, къ Господу съ жалобой
„На невѣрный народъ Ахреяновскій,
„Захватилъ съ собой свѣчу семи пудовъ
„Ко престолу его ко пресвѣтлому“ . . .
Вопрошаетъ Микола угодничекъ:
— „Да тебѣ, слышь, котораго надобно?
„Вѣдь ужъ наши давно раздѣлилися,
„На три дома живутъ, и скотинушку,
„Вопіюшу, поющу, взывающу, —
„И людишекъ, скотину глаголющу —
„Подѣлили, родимые, поровну . . .

„Самъ отецъ-то, старикъ, — не у дѣлъ теперь;
„Знай себѣ день деньской на перинушкѣ
„Чистыхъ облачковъ бѣлыихъ нѣжится,
„Да у солнышка краснаго грѣется . . .
„Что-жъ къ Нему што-ль вести тебя миленькій?“
Призадумался царь недоумочекъ
Долго въ царскомъ затылкѣ почесывалъ:
„Ужъ веди по порядку ко всѣмъ троимъ . . .
„Кабы, дядя, знатьё мнѣ, да вѣданье,
„Захватилъ бы три свѣчки семи пудовъ;
„Набрехала мнѣ Кривда проклятая,
„Чтобъ я къ Троицѣ шелъ съ одной свѣчкою.
— „Вотъ теперь мнѣ какъ будто и совѣстно“ . . .
Отвѣчаетъ Микола угодничекъ:
„Имъ такого дерьма и не надобно!“

IV.

Не хоромы стоятъ, не высокія,
Златомъ-серебромъ всѣ изукрашены, —
Твердь небесная синяя высится.
Изукрашена частыми звѣздами,
Во святомъ то углу не лампадочка, —
Свѣтлый мѣсяцъ серебряный теплится;

Да не печка въ другомъ углу топится, —
Красно солнышко жарко растоплено;
На печи-то лежитъ не перинушка,
Не высокач пуху лебяжьяго, —
Лежатъ чистыя бѣлыя облачки,
А на облачкахъ чистыхъ на бѣлыихъ
Самъ Господь Саваоѳъ держитъ свой престолъ.
Падалъ царь Ахреянъ на колѣночки.
Не стерпѣлъ того свѣта великаго;
Отъ несноснаго страха отъ Божьяго
Задрожали поджилочки царскія;
Молча клалъ свѣчу воску яраго,
Дорогую свѣчу-то семи пудовъ,
Ко подножью престола пресвѣтлаго . . .
Глядь — отъ солнца свѣча растопилася
И чадитъ на все царство небесное.

* * *

Пробуждался Господь, безпокоился;
„Эй, какой тутъ дуракъ неотесанный
„Начадилъ-навонялъ на всю горницу,
„Али нынче на небѣ блины пекутъ?“
Отвѣчаетъ Микола угодничекъ:
„Не блиночки пекутъ, Господь Батюшка,

„А пришелъ человѣкъ съ челобитною;
„Приносилъ онъ Тебѣ, не прогнѣвайся,
„Дорогую свѣчу воску яраго,
„Да на солнцѣ свѣча растопилася,
„Вишь, чадитъ на все царство небесное!“
Усмѣхнулся Господь, молвилъ ласково:
— „Ну чего-жъ ему, глупому, надобно?“
Въ бокъ толкнулъ Ахреяна угодничекъ:
— „Говори же, зачѣмъ пришелъ, сказывай!
Ахреянъ за Миколу хоронится,
Взговорилъ, самъ дрожитъ, какъ осиновъ листъ:
„Охъ ты гой еси Отче нашъ батюшка!
„Царь царей и Господь всѣхъ господъ!
„Къ Тебѣ, къ Господу Богу, я съ жалобой
„На невѣрный народъ Ахреяновскій;
„Заступись за меня за избранника,
„Ахреяна царя православнаго,
„За мое за величество царское!
„Дай побѣду ты мнѣ, одолѣніе
„На великую Правду постылую,
„Накажи супоставовъ-крамольниковъ!
„Вѣдь не даромъ же я твой помазанникъ!

* * *

Не по нраву пришлось слово царское
Савао0у-Творцу Вседержителю;
Распалился Господь гнѣвомъ праведнымъ,
Изъ очей Его молніи сыплются,
Молвитъ слово — гроза разыграется,
Топнетъ ножкой, — весь міръ содрогаетск;
— „Ахъ ты подлый червякъ, ядовитый гадъ,
„Вишь ползучая мразь, кровожадная!
„Въ очію ты, червякъ, завираешься!
„Не икбранникъ ты мой, не помазанникъ!
„Отроюсь твоей глупой головушки
„Я святымъ своимъ мvромъ не мазывалъ!“

* * *

„Было въ оные дни стародавніе,
„Наказалъ я разокъ родъ Израилевъ,
„За его ослушанье великое —
„И за всѣ прегрѣшенія прежнія:
„Повелѣлъ Самуилу Премудрому,
„Чтобъ избралъ пастушенка ослинаго
„Онъ на смѣхъ во цари надъ Израилемъ,
„Чтобъ казнились людишки безмозглые,
„Не просили-бъ царей себѣ, идоловъ! . . .
„Вишь, съ тѣхъ поръ и пошла ложь великая:

„Брешутъ ваши попы толстопузые,
„Будто всѣхъ я васъ, дурни, помазывалъ!
„Да я знать васъ не знаю, не вѣдаю, —
„Кровопійцы, отродіе Каина,
„Палачи, душегубы, грабители!
„Васъ помазала подлость холопская,
„Загребущая лана поповская!
„Да ужъ скоро вамъ всѣмъ и конецъ прійдетъ!“
Въ бокъ толкнулъ Ахреяна угодтичекъ:
„Ну пойдемъ, пока цѣлъ, Ахреяновичъ!
„Видишь, дѣло твое здѣсь не выгоритъ!“
И повелъ онъ царя въ вертоградъ Христовъ.

V.

У Христа Спаса нашего Батюшки,
Въ вертоградѣ Его во зеленыимъ
Ликованіе шло, радость велія:
Принимаетъ Христосъ дорогихъ гостей,
Дорогихъ ли гостей, души праведныхъ,
Разноглазою Кривдой замученныхъ:
Принимаетъ Христосъ, обнимаетъ ихъ,
Раздаетъ имъ вѣнцы свѣтозарные;
Говоритъ имъ Господь таковы слова:

— „Охъ вы гой еси, воины храбые!
„Честь и слава вамъ всѣмъ, память вѣчная,
„Да Христово спасибо великое!
„Постояли вы грудью могучею,
„Теплой крови своей не жалѣючи,
„За моихъ обездоленныхъ дѣтушекъ,
„За мою-ли за братію меньшую,
„Да за матушку Правду, за Истину!“
Какъ тутъ входитъ Викола уъодничекъ,
Ахреяна царя ведетъ за руку.
Падалъ царь Ахреянъ на колѣночки,
Не стерпѣлъ того свѣта великаго;
Отъ несноснаго страха отъ божьяго
Задрожали поджилочки царскія, —
Ни овечка не смѣетъ онъ вымолвить . .
Оглянулся Христосъ, Милосердный Спасъ,
Увидалъ онъ Миколу угодника, —
Усмѣхнулся съ великою ласкою;
А взглянулъ на царя, да призналъ его —
Осерчалъ Милосердный, разгнѣвался:
— „Бѣлены, что-ль объѣлся Николушка,
„Въ вертоградъ мой привелъ царя-Ирода,
„Моей братіи меньшей мучителя,
„Моей Правды великой гонителя?
„Уводи его, Ирода, съ глазъ долой!“
Въ бокъ толкнулъ Ахреяна Миколушка:

„Ну пойдемъ, пока цѣлъ, Ахреяновичъ!
„Вишь и здѣсь твое дѣло не выгоритъ . . .
„Видно дѣло твое, братъ, неправое! . . .
„Ужъ не знаю, вести-ль тебя къ Третьему! . .“
Вотъ подходитъ онъ ко святымъ вратамъ
Вертограда Христова небеснаго, —
А на встрѣчу идетъ Богородица, —
Сама матушка наша заступница, —
Разливается плачемъ сердечная;
Вопрошаетъ угодникъ Пречистую:
— „Охъ ты гой еси, наша заступница!
„Да нечто ты слезами горючими
„Отуманила очи пресвѣтлыя? . .“
Отвѣчаетъ ему Богородица:
„Какъ не плакать Миколушка-Батюшка?
„Вѣдь у насъ, слышь, бѣда приключилася:
„Святой духъ-то, голубчикъ мой бѣленькій,
„На войну полетѣлъ на великую
„Въ Ахреяновку ту безталанную,
„Заступаться за Правду, за Истину,
„Постоять за нее грудью бѣлою,
„Теплой крови своей не жалѣючи!
„Разноглазая Кривда проклятая,
„Ахреяна царя полюбовница,
„Нападала на Господа съ хитростью,
„Изловила святого арканами,

„Посадила во клѣточку крѣпкую,
„Что во тотъ-ли острогъ бѣлокаменный, —
„Отдала палачамъ въ поруганіе!
„Вотъ иду выручать Его, Батюшку,
„Буду Сына просить, Христа Господа, —
„Посылалъ бы всѣ силы небесныя
„Скоро наскоро въ ту Ахреяновку . . .
„Не ровенъ часъ, вѣдь Кривда проклятая
„Съ Ахреяномъ царемъ полюбовникомъ
„Моего то голубчика бѣлаго,
— „Духа Свята, ощиплютъ, да слопаютъ! . .“
— „Такъ ты вотъ каковъ? А!“ И Микола-Святъ
Тутъ стерпѣть не могъ распалился самъ;
„Поглядѣлъ царю въ очи безстыжія,
„Плюнулъ разъ ему въ бороду царскую,
Плюнулъ два, плюнулъ три, — да и прочь пошелъ.
Долго дѣется дѣло, ребятушки,
Да не скоро и сказка разскажется,
Нашей сказкѣ еще не конецъ пришелъ . . .

* * *

А когда наша сказка покончится
Слава!
Запоемъ, братцы, пѣсню мы новую
Слава!

Что веселую пѣсню, свободную
Слава!
Духу вѣчному Свѣта и Истины
Слава!
Правдѣ — матушкѣ, нашей заступницѣ
Слава!
Вольной волѣ, народу свободному
Слава!

М. Горькій

РОМАНТИКЪ

Разсказъ

Berlin
Bühnen- und Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow.

INTERNATIONAL BOOK &
A. WASSERMAN.
46 CLINTON ST. NE

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das Uebersetzungsrecht in fremde Sprachen.

М. Горькій

РОМАНТИКЪ

Жилъ былъ Фома Варакснпъ, столяръ, двадцати пяти лѣтъ, человѣкъ весьма нелѣпый: черепъ у него — большой, съ висковъ — сжатъ, а къ затылку — удлинненъ; тяжелый затылокъ оттягивалъ стриженую голову назадъ, Фома ходилъ по землѣ вздернувъ широкій носъ вверхъ — издали казалось, что она хочетъ заносчиво крикнуть кому-то:

— Ну-ка, тронь, попробуй.

Но при первомъ-же взглядѣ на его расплывчатое лицо съ большимъ ртомъ и глазами неопредѣленнаго цвѣта становилось ясно, что это идетъ парень добродушный и какъ-бы радостно смущенный чѣмъ-то.

Его товарищъ Алексѣй Сомовъ, тоже столяръ, сказалъ однажды Фомѣ:

— Экая у тебя рожа пустынная! Хоть-бы ты себѣ брови наклеилъ, а то на всей филенкѣ

только носъ торчитъ, да и тотъ скверно вырѣзанъ ...

— Дѣйствительно, — согласился Фома, пощупавъ пальцемъ верхнюю губу, — красоты лица не хватаетъ нѣсколько мнѣ, ну — за то Поля говорила, глаза у меня хороши!

— Не вѣрь: это она для того, чтобы ты ей лишнюю бутылку пива поставилъ.

Алексѣй былъ моложе Фомы на два года, но — пять мѣсяцевъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, много прочиталъ разныхъ книгъ, и когда не хотѣлъ, не могъ или лѣнился понять товарища, то говорилъ ему:

— Это буржуазный предразсудокъ. Утопія. Надо знать исторію культуры. Ты классовыхъ противорѣчій не понимаешь.

Онъ ввелъ Фому въ кружокъ, гдѣ маленькій, остроносый товарищъ Маркъ, размахивая руками, похожими на птичьи лапки, скороговоркой разсказывалъ о рабочемъ движеніи на западѣ — Фомѣ сразу понравились эти разсказы и послѣ нѣсколькихъ чтеній, онъ, прижимая руку, пропитанную лакомъ, ко груди, разливался:

— Это я понимаю, Алеша ... Это дѣйствительно! Существуетъ ...

Сухой, ехидный Сомовъ, прищуривъ зеленоватые глаза и поджимая губы, спрашивалъ:

— Что — существуетъ?

— Это самое влеченіе къ соединенію человѣковъ — это есть! Примѣрно я: мнѣ все равно — крестный ходъ, пожаръ, гулянье — вообще ежели гдѣ народъ собрался, то меня туда нестерпимо тянетъ! Народъ! Вотъ тоже церковь — почему я въ церковь люблю ходить. Собраніе душъ, потому что.

— Это пройдетъ съ тобой! — пообѣщалъ Алексѣй, усмѣхаясь. — Когда ты усвоишь идею...

Фома ударилъ себя въ грудь кулакомъ, радостно воскликнувъ.

— Я ее усвоилъ! Вотъ она, тутъ! Ее-то я прежде всего и схватилъ. Теперь она для меня какъ Божья Матерь всѣхъ скорбящихъ радость...

— Поѣхалъ!

— Нѣтъ, погоди: пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные — такъ? Она?

— Да вѣдь это, чудакъ ты, Евангеліе!

— Ничего не значитъ! Она, я такъ понимаю, вездѣ одна и та-же. Виды — разныя, рисунокъ

— разный, а образъ одинъ! Матерь любви она! Вѣрно?

Когда Алексѣй сердился, его верхняя губа поднималась вверхъ, острый носъ вздрагивалъ и зеленые зрачки округлялись, точно у птицы. Сухимъ голосомъ, который на верхнихъ нотахъ странно трещалъ, и какими-то щелкающими словами Алексѣй подробно и внушительно убѣждалъ товарища, что онъ — утопистъ, что въ немъ спитъ классовое сознаніе и можно думать не проснется оно никогда, ибо Фома воспитывался въ домѣ священника, гдѣ мать его служила кухаркой и гдѣ ему отравили душу буржуазными предразсудками и суевѣріями.

— Алешъ!—убѣдительно восклицалъ Фома. — Ей Богу — нисколько не отравили! Совсѣмъ наоборотъ... Маленькій, я даже, напримѣръ, не ходилъ въ церковь. Господи — ну развѣ стану я тебѣ врать? Это ужъ потомъ вотъ, когда я началъ читать и вообще — ну, потянуло меня къ людямъ! Тутъ — не церковь, а, понимаешь, спайка душъ! Идея тутъ! О чемъ разговоръ идетъ? Братцы — постыдитесь, развѣ можно такъ жить? Развѣ вы звѣрье? Внушеніе любви и совѣсти,

Алеша, вотъ главное, какъ я понимаю... Вѣрно?

— Нѣтъ, это не вѣрно! Алексѣй, сердясь, все больше кипѣлъ, на скулахъ у него являлись багровыя пятна и Фомѣ часто казалось, что онъ щелкаетъ его словами по носу, точно картами, при игрѣ въ носки.

Фома смущенно молчалъ, потирая голову, порою виноватымъ голосомъ старался успокоить товарища:

— Я вѣдь, Алеша, понимаю! Конечно — борьба! Само собой разумѣется — тутъ ужъ — держись!

Но, сбиваясь съ тона, вдругъ самъ начиналъ убѣдительно доказывать:

— Я вѣдь, видишь-ли, только насчетъ человѣка: человѣкъ вообще — что такое? Развѣ я — долото? Вѣдь ежели, скажемъ, тобой долбить начнутъ, такъ вѣдь по тебѣ молоткомъ стукаютъ — вотъ я насчетъ чего! Человѣкъ — не инструментъ — вѣрно? И опять же: конечно — борьба! Что тамъ говорить! Но — апостольское-то, идея-то, которая всеобщая... всемірное примиреніе... чтобы на землѣ — миръ и въ человѣцѣхъ...

Иногда Алексѣй, замолчавъ, долго смотрѣлъ

на товарища презрительно вытаращенными глазами и наконецъ говорилъ, точно уши обрубая Фомѣ:

— Нѣтъ, ты глупъ! Путаная у тебя башка... навсегда это!

Иногда-же угрожалъ ему, холодно и внушительно:

— Вотъ погоди — скоро начнемъ читать исторію культуры — увидишь!

Фома — сокращался: непонятныя слова всегда нѣсколько угнетали его, возбуждая почтеніе къ людямъ, которые говорили ихъ и вызывая странные образы. Утопія рисовалась ему кочковатымъ болотомъ, все оно покрыто чахлой зарослью и по зыбкимъ кочкамъ идетъ, простирая руки вдаль, женщина съ лицомъ Богородицы, вся въ бѣломъ и, какъ всегда, облеченная великой грустью матери — идетъ безмолвно, съ тихими слезами на глазахъ. Онъ не однажды слышалъ слова „религіозный культъ“, и культура представлялась ему торжественнымъ богослуженіемъ, подобнымъ пасхальной заутрени. Постепенно ему стало казаться, что эта мудрая наука можетъ развязать всѣ узлы запутанныхъ вопросовъ, привести въ порядокъ всѣ мысли, облить всю пестроту красокъ жизни однимъ

ровнымъ и горячимъ свѣтомъ. Говорилъ онъ много, восторженно захлебываясь словами и всегда глядя прямо въ лицо собесѣдника мутнымъ и точно пьянымъ взглядомъ. Каждая новая мысль, входившая въ его сознаніе, вызывала у Фомы быстрый потокъ словъ — онъ махалъ руками, негромко и радостно восклицая:

— Замѣчательно! Вотъ именно! Очень просто!

Сначала товарищи по кружку и мастерской слушали его внимательно, съ любопытствомъ, но скоро догадались, что Фома просто — болтунъ, а мрачный слесарь Егоръ Кашинъ не однажды совѣтовалъ ему:

— Отрѣжь ты себѣ половину языка, пустозвонъ!

Но это не охлаждало Ваpаксина — онъ смотрѣлъ на всѣхъ дружелюбно и неугомонно журчалъ, какъ весенній ручей.

Когда онъ пришелъ на первое чтеніе по исторіи культуры и увидалъ, что читать будетъ маленькая, пухлая, голубоглазая барышня, гладко причесанная, съ толстой косой — онъ почув-

ствовалъ печальное недоумѣніе и все время старался не смотрѣть не барышню.

Но, все таки, видѣлъ, что она конфузится, безуспѣшно стараясь придать дѣтскому лицу серьезное выраженіе, говоритъ торопливо, несвязно, а когда ее спросятъ о чемъ-нибудь — лицо ея вспыхиваетъ яркимъ румянцемъ и глаза часто, растерянно мигаютъ. Бѣленькая и чистая, она возбуждала въ немъ чувство жалости:

— Видно — первый разъ, — думалъ Фома, пристально разглядывая темную сырую стѣну надъ ея головой. Его удивляло, что она говоритъ о молніяхъ, тучахъ, закатѣ солнца, о богатыряхъ сказокъ, греческихъ богахъ — онъ не могъ уловить никакой связи во всемъ этомъ и, идя домой съ Алексѣемъ, жаловался ему:

— Это, Алеша, не вышло! Тутъ-бы на такой предметъ совсѣмъ другаго человѣка надо поставить... солиднаго, даже — съ сѣдиной эдакъ-бы... и голосъ густой... чтобы какъ двѣнадцать Евангеліевъ читалось это!

Сомовъ тоже былъ недоволенъ и ворчалъ, сердито посапывая носомъ:

— Назначили... лягушенка какого-то! Очень

мнѣ нужно знать кто такое Змѣй Горынычъ... Намъ очень хорошо извѣстно кто онъ — ты разскажи какъ его побороть...

— Лучше-бы она ужъ прямо по этой толстенькой книжкѣ катала! — сожалѣя говорилъ Фома, но, скоро забывъ о неудачѣ, онъ продолжалъ въ обычномъ тонѣ благодушныхъ мечтаній. — А хорошо, братъ Алеша, что вотъ приходитъ въ нашу грубую компанію эдакая маленькаая личность и какъ замѣчательно это — пожалуйте... вотъ, что я знаю, не угодно-ли послушать! О-очень хорошо! Такъ примыкая другъ ко другу и...

— Повезъ ерунду! — сурово остановилъ его Алексѣй.

— Почему-же — ерунда? — настаивалъ Фома, мягко и ласково: — Вотъ, ты говоришь — классъ, а какой она, примѣрно, классъ? Просто добренькая барышня... Совѣстно ей жить въ окруженіи людей, намъ подобныхъ, и вотъ...

— Когда изъ тебя вся эта патока вытечетъ? — возмутился Сомовъ. — Какая тамъ совѣсть? Необходимость — вотъ тебѣ совѣсть! Будь у нихъ другое мѣсто, куда идти — они пойдутъ гдѣ легче, а не къ намъ, не мечтай!

Фома посмотрѣлъ вдоль улицы на огненные четки фонарей и спросилъ:

— Такъ они — по неволѣ, думаешь?

— Ну, конечно...

— Н-да? — сказалъ Вараксинъ, дернувъ головой вверхъ. — Н-не вѣрится мнѣ, однако!

— Почему?

— Что хорошаго — по неволѣ жить? Если я — краснодеревецъ и къ работѣ своей привыкъ — мнѣ плотничная работа просто даже обидна — вѣрно? А они вродѣ какъ-бы бревна тешутъ...

Алексѣй плюнулъ, сказавъ:

— И пускай потешутъ...

На второмъ чтеніи Фомѣ показалось, что въ словахъ барышни поблескиваютъ какія-то интересныя мысли, трогающія его сердце, и когда она кончила, онъ попросилъ ее:

— Товарищъ Лиза — одолжите мнѣ эту вашу книжку до слѣдующаго раза — можно?

— Пожалуйста, — сказала она и, видимо, чему-то очень обрадовалась.

Потомъ Фома шелъ въ городъ рядомъ съ нею и все остерегался какъ-бы не задѣть ее локтемъ.

Поднимались въ гору, съ обѣихъ сторонъ улицы на нихъ смотрѣли темными окнами маленькіе домишки городской окраины. Вверху улицы горѣлъ фонарь, вокругъ него дрожало мутно-желтое пятно, сырая темнота осенней ночи была полна запахами гніющаго дерева и помоевъ.

Фома, покашливая и стараясь выражаться изысканно, спрашивалъ Лизу:

— Значитъ, я могу вѣрить, что въ древнія времена человѣчество говорило однимъ языкомъ — такъ?

— Да, арійцы, — звучалъ ему въ отвѣтъ тихій голосъ.

— И — уже доказано это?

— Точно доказано.

— Чудесно! Это — замѣчательно... Такъ что всѣ теперь разрозненные народы находились въ сослуженіи единству жизни... стало быть и въ древности имѣлась одна общая всѣмъ идея — да-а...

Но слова у него туго складывались и думалъ онъ не о древности, а о маленькой барышнѣ, которая торопливо шла въ гору на полшага впереди него и немножко лѣвѣе. Сжатая тьмой, она каза-

лась еще меньше, чѣмъ была, Фома замѣтилъ, что каждый разъ, подходя къ освѣщенному окну, она, наклонивъ голову, старалась поксорѣе ускользнуть изъ полосы свѣта.

— Замѣчательно! — думалъ онъ, не переставая говорить и словно раздваиваясь. — Такая маленькая личность... безъ страха въ кругу чужихъ людей... ночью, въ отдаленномъ отъ жизни мѣстѣ... чудесно...

Чтобы не размахивать руками, онъ сунулъ ихъ въ карманы, это было непривычно ему и связывало его.

— Вы пьяныхъ не боитесь? — спросилъ онъ.

Тихо и живо она отвѣтила:

— Ахъ, нѣтъ, очень боюсь... Здѣсь ихъ такъ много...

— Да, — сказалъ Фома, вздохнувъ, — пьютъ весьма безутѣшно. Главное — жизнь требуетъ наполненія, а — нечѣмъ! То есть жизнь — въ смыслѣ души... Вино-же, какъ извѣстно, способствуетъ фантазіи... Тоже нельзя строго осуждать: развѣ человѣкъ причина тому, что приходится поддерживать жизнь фантазіями?

— Я не осуждаю! — воскликнула Лиза, за-

медляя шагъ. — Я — понимаю. Вы очень вѣрно сказали... ужасно вѣрно!

Это обрадовало Фому — онъ не помнилъ случая, когда-бы кто-нибудь соглашался съ нимъ. И вынувъ руки изъ кармана, похлопывая ладонью по книгѣ за пазухой, онъ снова началъ, довѣрчиво и убѣдительно:

— Если-бы, видите-ли, книги были доступнѣе, повѣрьте — другое дѣло! Собственно говоря — бояться людей не слѣдуетъ, увѣряю васъ, они заслуживаютъ полнаго вниманія и сожалѣнія — въ своей пустой жизни. Дѣло въ томъ, что всего — очень мало, какъ вы знаете, и отъ этого всѣ злы. Никакихъ утѣшеній не имѣется, у всякаго одна подруга — голая судьба со страшнымъ лицомъ нищеты и порока, какъ сказано въ стихахъ поэта... И, конечно, когда подобные вамъ люди сойдутъ съ вершины въ большомъ количествѣ... то обязательно это принесетъ въ жизнь содержаніе, достойное человѣка...

Лиза пошла еще тише, поддерживая одной рукой юбку, другой она провела по лицу и сказала, вздохнувъ:

— Да, да, это правда.

— Федоръ Григорьичъ, — продолжалъ Фома, прерывая ее, — сынъ священника, у котораго жила моя матушка, — очень хорошій человѣкъ моя матушка! но уже скончалась, — Федоръ Григорьичъ, который теперь даже скоро профессоромъ будетъ, говорилъ, бывало, оспаривая своего папашу: жить это — знать! И очень просто! Если я живу, не зная кто я, гдѣ и зачѣмъ собственно — какая-же тутъ жизнь? Просто долголѣтнее одичаніе въ эксплоатаціи разныхъ темныхъ силъ, исходящихъ отъ человѣка и предразсудковъ, имъ-же сотворенныхъ — вѣрно?

— Жить это — знать! — повторила Лиза. — Вотъ именно товарищъ... вы замѣчательно широко понимаете...

Фома не помнилъ, что онъ еще говорилъ, но онъ первый разъ въ жизни говорилъ такъ много, смѣло и горячо. Они разстались у воротъ большаго дома въ два этажа, съ колоннами по фасаду, и Лиза, встряхивая его руку, убѣдительно просила его:

— Въ четвергъ и понедѣльникъ — помните! Отъ семи часовъ вечера — я дома, буду ждать до девяти — хорошо?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! — воскликалъ Фома, притопывая ногой о тротуаръ. — Очень благодаренъ... Чудесно!

Всю ночь вплоть до утра онъ ходилъ по улицамъ, вскинувъ голову вверхъ и мысленно слагая горячія, призывныя рѣчи о необходимости помочь словомъ и дѣломъ тѣмъ людямъ, которые еще не понимаютъ тожества понятія жить и знать. Ему было очень хорошо: сѣрое небо осени какъ-бы разверзлось передъ нимъ, и изъ глубокой синей пропасти точно звѣзды падали такія славныя, звучныя слова, сами собою слагаясь въ свѣтлые ряды добрыхъ и любовныхъ мыслей о жизни, о людяхъ, и эти мысли поражали самого Фому своей непобѣдимой простотой, правдой, силой.

Въ чертвергъ, онъ сидѣлъ въ комнаткѣ Лизы, ничего не замѣчая, кромѣ напряженнаго взгляда голубыхъ глазъ, которые, онъ видѣлъ, хотятъ понять его рѣчи, — смотрѣлъ въ ихъ глубину и говорилъ:

— Стало быть, фигурно можно сказать, что идея эта о побѣдѣ свѣта надъ тьмою — небеснаго происхожденія?

— Да, если хотите, но — все таки — зачѣмъ-же вамъ небесное?

— Красивѣйше какъ-то получается! Значитъ — коренная идея — солнце, которое даетъ всему силу жизни! Это замѣчательно и вполнѣ вѣрно: я вчера ходилъ за городъ — на Ярило, знаете, — глядѣть закатъ. Вполнѣ просто и легко вообразить все, какъ описано: змѣй, мечи, борьба и одолѣніе тьмы, а потомъ — восходъ въ торжественномъ сіяніи. Восхода, собственно, не было, а былъ дождь, но это ничего не значитъ. Я много разъ раньше видалъ восходъ и обязательно посмотрю въ ясную погоду. Непремѣнно!

Оглянулся вокругъ и ему понравилась чистая уютная комнатка съ бѣлой постелью въ углу, цѣломудренно прикрытой мягкой завѣсой мрака. На столѣ передъ Фомой лежало много книгъ, онѣ косо стояли на полкѣ, по стѣнамъ висѣли знакомыя ему фотографіи писателей и ученыхъ людей съ длинными волосами и мрачными лицами. Потирая ладони, покрытыя мозолями, пропитанныя лакомъ, Фома тихонько смѣялся и разсказывалъ:

— Замѣчательно, товарищъ, сижу я, свѣся ноги на обрывѣ, подходитъ собяка, такая, знаете,

нищему подобная, въ грязи, въ репьяхъ, сѣдые усы на мордѣ. Голодная, старая, непріютная. Подходитъ, сѣла рядомъ и — тоже смотритъ: тамъ это пылаетъ красное, желтое, сизыя такія фигуры складываются, лучи ихъ рушатъ, зажигаютъ, рѣки текутъ золотыя — а мы, человѣкъ и собака, — смотримъ, знаете. Собственно говоря, товарищъ, вѣдь достовѣрно не узнано, что такое собака, напримѣръ, и какое у нея отношеніе къ солнцу? Можетъ и она тоже... я, конечно, не знаю... это такъ, фантазія, но — почему-же собакѣ не понимать значенія солнца, если она чувствуетъ тепло и холодъ, и можетъ смотрѣть въ небо. Свинья, это, конечно, другое дѣло... Я, знаете, даже пошутилъ: понимаешь, говорю, кто истинный творецъ жизни, а? Посмотрѣла она на меня косо и — отодвинулась... всѣ на землѣ очень недовѣрчивы и осторожны другъ съ другомъ... такъ печально это, если подумать! Конечно, глупо, можетъ быть, но когда я прочиталъ эти двѣ главы, то — вдругъ, знаете, какъ будто теперь лишь впервые понялъ — солнце! Солнце... это удивительно просто!

— Вы двѣ главы прочли? — услышалъ Фома.

Вопросъ показался ему строгимъ.

— Только двѣ, — отвѣтилъ онъ и зачѣмъ-то пощупалъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, — у насъ, знаете, много работы срочной, купецъ Хлобыстяевъ дочь замужъ собирается выдавать — берутъ зятя въ домъ — и мы чинимъ ему столовую, Хлобыстяеву... Превосходная мебель куплена имъ, чудесной, старинной работы... дубъ мореный, знаете...

Онъ видѣлъ, что голубые глаза дѣвушки утомленно прикрылись, и это тотчасъ-же связало ему языкъ, наполнило его смущеніемъ. Не безъ усилія надъ собою, Фома продолжалъ, конфузливо улыбаясь:

— Можетъ быть я много болтаю лишняго — вы ужъ простите это мнѣ!

Барышня торопливо воскликнула:

— Ахъ, что вы! Вы говорите такъ интересно... о многомъ... Я вѣдь только принялась за работу, мнѣ очень важно знать психику людей... которые... людей вашего класса.

Фома снова расцвѣлъ, ободрился и взмахивая руками запѣлъ, какъ птица на восходѣ солнца:

— Позвольте мнѣ сказать, что мнѣ подобные

люди вродѣ маленькихъ дѣтей и — пугливы, знаете. Между собой, напримѣръ, мы, ремесленники мало говоримъ по душѣ... А каждому, все таки, хочется что-нибудь сказать о себѣ... потому что — человѣкъ, знаете, онъ очень мало обласканъ и... если вспомнить, что у каждаго была мать... и есть привычка къ ласкѣ, то..., получается очень плохо...

Онъ вмѣстѣ со стуломъ подвинулся къ маленькой хозяйкѣ — что-то затрещало, упала на полъ толстая книга.

— Извините, — сказалъ Фома, — у васъ тѣсновато! — И понизивъ голосъ, таинственно продолжалъ: — Я хочу вамъ сказать, что это замѣчательно вѣрно: не добро человѣку жить едину... Конечно, единство интересовъ всѣхъ рабочихъ — это я понимаю очень хорошо, да вѣдь интересы не все еще, за ними еще въ душѣ-то — сколько лежитъ! Человѣку обязательно хочется выговорить свою душу, показать ее въ полномъ, праздничномъ облаченіи, всю, во весь ростъ... человѣкъ-же — молодое существо, какъ вы знаете! Не годами, конечно, а всей жизнью — давно-ли живемъ! Вѣрно? И вдругъ — никто ничего не хочетъ

елушать, и вдругъ — одиночество души ... нѣмота и смерть мыслямъ! Я противъ этого возражаю: единеніе людей обязательно — такъ. Единство интересовъ хорошо-съ... а откуда-же одиночество и нестерпимая тоска, подъ часъ? Вотъ...

— Не совсѣмъ понимаю, о чемъ вы говорите, — сказала Лиза, и снова голосъ ея прозвучалъ строго, учительски сухо.

Фома посмотрѣлъ на нее улыбаясь, она, нахмуривъ брови, отвѣтила ему взглядомъ очень пристальнымъ, снова охладившимъ его возбужденіе. Приподнявъ плечи, она перекинула косу на грудь и быстро шевелила пальцами, выплетая и вплетая черную ленточку, говоря неестественно густо:

— Это нѣсколько странно слышать. Признавая единство интересовъ...

— Дѣло въ томъ, видите-ли, — возражалъ Фома, — что ежели одинъ лучъ тутъ, другой — тамъ, то-не будетъ тепла... необходимо сліяніе всѣхъ лучей воедино, такъ?

— Ну, да, но что-же вы называете лучемъ?..

— Душа моя и ваша, вотъ — лучи солнца, фигурно говоря...

Когда Фома уходилъ, ему показалось, что Ли-

за смотрѣла на него подозрительно, стараясь держаться въ сторонѣ, и когда онъ, прощаясь, сжалъ ея руку, она сильно потянула ее къ себѣ.

И снова онъ почти всю ночь ходилъ по пустыннымъ улицамъ соннаго города, будя дремавшихъ у воротъ сторожей и возбуждая вниманіе городовыхъ.

Вспоминалъ свои рѣчи и недовольно морщился, видя, что говорилъ запутанно, не о томъ, что хотѣлъ сказать и не такъ, какъ хотѣлось.

— Вотъ исторія! — думалось ему. — Когда я шелъ къ ней — все такъ складно лежало въ головѣ... Въ слѣдующій разъ — ужъ и я подготовлюсь...

И остановился, вспомнивъ, что Лиза не сказала, ему когда еще можно придти къ ней.

— Забыла! Очень я говорилъ много.

А потомъ онъ опять провожалъ ее по ночамъ до дома и всю дорогу осыпалъ ее своими восторженными рѣчами, разсказывалъ, незамѣтно для себя, маленькіе секреты проснувшейся души, не замѣчая, что она слушаетъ его молча, отвѣчаетъ на его вопросы односложно и — уже не приглашаетъ его къ себѣ, въ маленькую теплую комнатку.

— А вѣдь вы—романтикъ!— воскликнула она какъ-то разъ. съ чувствомъ, подобнымъ сожалѣнію о человѣкѣ и, глядя въ лицо ему, неодобрительно покачала головой.

Фому сконфузило слово, напоминавшее о романахъ и любви, онъ тихонько засмѣялся, а Лиза продолжала:

— Какъ это странно! Вообще — я, конечно, понимаю романтизмъ, но...

Она говорила долго и поучительно, а Фома не понялъ ея словъ.

Однажды онъ радостно сказалъ ей:

— Мы сегодня много сдѣлали...

— Мы? — разсѣянно повторила она, посмотрѣвъ на него сбоку и улыбнулась, но онъ скоро забылъ эту улыбку.

И постепенно для него стало необходимостью видѣть Лизу — ея глаза возбуждали въ немъ пріятное опьяненіе и, подсказывая новыя слова, зажигали какія-то пылкія, особенныя мысли. Видя ее, окруженную тѣснымъ кольцомъ рабочихъ, внимательно и вдумчиво слушающихъ негромкій, убѣждающій голосъ, видя, какъ въ полутьмѣ комнаты мелькаютъ, точно маленькіе голуби, ея бѣлыя руки,

двигаются темныя брови надъ голубыми глазами и непрерывно дрожатъ, — цвѣтутъ — розовыя губы, Фома думалъ:

— Идея ... Всѣмъ скорбящимъ радость ...

И ему представлялся ручей свѣжей воды, говорливо сбѣгающій съ горы въ долину, измученную засухой, въ долину, гдѣ стоятъ деревья, окутанные пылью, уныло опустивъ тяжелые, завядшіе листья — а ручей живой воды пробивается къ ихъ корнямъ.

Вспоминалась славная сказка о дѣвочкѣ, заплутавшейся въ лѣсу — вотъ она забрела въ пещеру карликовъ и довѣрчиво сидитъ среди нихъ, полная желанія добра всему живому.

Иногда Лиза, возбужденная тѣмъ, о чемъ говорила, волнуясь, заикалась, не находя словъ, и глаза ея тревожно бѣгали по лицамъ людей — въ эти минуты Фома напрягался, сдерживая дыханіе, ему хотѣлось подкинуть, подсказать недостающія слова и — это было почти мучительно для него — онъ даже потѣлъ отъ напряженія.

— Алеша! — говорилъ онъ Сомову размахивая руками. — Какая это замѣчательная вещь, когда вотъ такъ приходитъ къ людямъ чистый че-

ловѣкъ — почти дитя вѣдь, а? и говоритъ — позвольте, все это не такъ, все не вѣрно, отъ васъ скрыто главное — идея объединенія міра скрыта! Чудесно! Положительно — сказка, а?

Алексѣй искоса смотрѣлъ на него и говорилъ насмѣшливо и ѣдко:

— Смотри — растаешь, грязь будетъ!

— Ты полно, чудакъ! Вѣдь ты-же и самъ... вѣдь ты вѣришь, чувствуешь...

Сомовъ кривилъ губы и, словно отталкивая товарища, сердито поучалъ его:

— Ты-бы слушалъ — больше, а болталъ — меньше. Да не пускался-бы объяснять людямъ то, чего не понимаешь. Гляди — на тебя не очень ласково смотрятъ: мѣшаешь ты разговоромъ своимъ...

— Мѣшаю? — удивлялся Фома Вараксинъ.

Однажды у него заболѣлъ зубъ, онъ усердно старался остановить боль, засовывая въ дупло вату, смоченную спиртовымъ лакомъ, купилъ даже креозота, который считалъ вреднымъ, но боль не поддалась и онъ не могъ пойти на чтеніе.

Поздно вечеромъ, Сомовъ, хмурый, недоволь-

ный пришелъ въ мастерскую, отозвалъ Фому въ уголъ и строго спросилъ:

— Ты о чемъ третьяго дня говорилъ съ Лизой?

— Я? Такъ... обо всемъ... а что?

Алексѣй, искрививъ губы, искоса посмотрѣлъ на него и, затянувшись дымомъ папиросы, опять спросилъ:

— На одиночество жаловался, что-ли?

— Жаловался? Нисколько! Это просто вообще, къ слову...

— Ты-бы считалъ слова-то...

— Ты провожалъ ее?

— Ну, да.

— Что-же она про меня говорила? — спросилъ Фома, поглаживая опухшую щеку.

— То-же, что и я говорю: башка у тебя путанная...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

Расматривая дымящійся конецъ папиросы, Сомовъ насмѣшливо сказалъ:

— Ужъ повѣрь! Такъ и сказала.

— Это ничего! — воскликнулъ Фома, и ему

показалось, что даже зубъ меньше болитъ. — Я ей докажу . . .

— Вотъ что, — сказалъ Алексѣй, усмѣхаясь и разшвыривая ногой стружки на полу, — дамъ я тебѣ совѣтъ . . . а то просто разскажу случай, со мной было. Увидалъ я въ тюрьмѣ на прогулкѣ дѣвицу интеллигентку и тоже вотъ такъ, сразу втюрился . . .

— Что ты? — удивленно воскликнулъ Фома.

Но Алексѣй, морщась тоже, точно и у него зубъ заболѣлъ, продолжалъ, не глядя на товарища:

— Перестукивался съ ней ночами и все такое . . . тоже объ одиночествѣ говорилъ и . . . вышло, братъ, очень нехорошо . . .

— Что ты, Алеша! — размахнувъ руками, тихонько прошепталъ Фома. — Почему ты это . . . развѣ я влюбился? Откуда ты это?

— Ну, не верти хвостомъ. Брось лучше все это загодя . . .

— Это — чепуха, Алеша! — сказалъ Фома, прижимая руки къ сердцу и чувствуя, что оно бьется удивительно часто, точно испугалось чего-то и обрадовалось. — Господи Боже мой . . . ну, куда къ чорту? Замѣчательно, право! И не

думалъ даже... что такое? Ничего-же не выйдетъ? Хотя, конечно, если взять, что она рѣшилась идти съ нашимъ братомъ, то — ну, что-жъ? Очень просто, собственно говоря! Скажемъ такъ: пусть человѣкъ, подобно щепоткѣ соли растворится въ средѣ прѣсной нашей и насытитъ...

Докуривъ папиросу, Сомовъ тщательно растеръ окурокъ пальцами, оглянулся, засвисталъ сквозь зубы. Фома, замѣтивъ, что товарищъ не хочетъ слушать его, вздохнулъ и заявилъ:

— Зубъ, чортъ его сильно мѣшаетъ, болитъ...

— Не заболѣло-бы еще что, смотри! — предупредилъ Алексѣй, спрятавъ глаза подъ рѣсницы, и вдругъ заговорилъ новымъ для Фомы голосомъ:

— Вотъ что, ужъ коли до конца бесѣдовать... хоть и не мастеръ я къ этому... Говорятъ про тебя, что ты — путанный человѣкъ, и самъ я это говорю... оно и вѣрно — иногда ты такое несешь — уши ломитъ! Ну, а, все таки... я, братъ, тебя всегда слышу... то есть слушаю...

Онъ сидѣлъ на верстакѣ, согнувъ спину, его плечи, локти и колѣни торчали во всѣ стороны острыми углами, и казалось, что онъ наскоро сдѣланъ изъ неровныхъ кусковъ дерева. Поглаживая рукою

прямые, темные волосы, онъ не торопясь и тихо продолжалъ:

— Нравится мнѣ, что ты такой, вродѣ, ребенка: что знаешь, въ то и вѣришь...

— Алеша — это очень правильно! — вскричалъ Фома, наваливаясь на него. — Помнишь, я тебѣ говорилъ, Федоръ-то Григорьичъ? Онъ такъ и утверждаетъ: отецъ ему — вѣра! А онъ — и подъ ней, говоритъ, заложено нѣкоторое знаніе, безъ него — невозможны никакія толкованія жизни...

— Ну, ты, братъ, брось это! — посовѣтовалъ Сомовъ. — Не понимаю я этого...

— Нѣтъ, ты пойми, очень-же просто! Впереди всего — знаніе, а потомъ — вѣра! Оно — мать вѣры, оно ее рождаетъ, ты подумай — какъ вѣрить, не зная?.. Товарищъ Маркъ и Василій — они просто не вѣрятъ въ силу знанія, по моему, оттого и выражаются противъ вѣры вообще...

Сомовъ посмотрѣлъ на него скорбящимъ и насмѣшливымъ взглядомъ и проговорилъ, покачивая головой:

— Трудно съ тобой! Нахватался ты какой-то чепухи и никогда тебѣ, видно, не выбраться изъ

нея... Я вотъ что хочу сказать — жалко мнѣ тебя! Понялъ? И совѣтую я тебѣ: Лизу оставь.

Фома Вараксинъ неохотно засмѣялся, прищуривъ глаза, точно обласканный котъ.

— Нѣтъ, я ужъ до конца дойду, до полнаго, если такъ! Я ее спрошу... это, братъ, замѣчательно! Главное — что она скажетъ, а?

— Это ты о чемъ спросишь? — сухо освѣдомился Алексѣй.

— Вообще спрошу о полномъ единеніи. Слово и дѣло — одно-ли?

Сомовъ вынулъ папироску дрожащей рукой, сунулъ ее въ ротъ, но не тѣмъ концомъ. Откусивъ зубами смоченное мѣсто, онъ выплюнулъ его и бросилъ папиросу на полъ, спросивъ:

— Ты ее любишь? Говори ужъ!

Тогда Фома не задумываясь отвѣтилъ:

— Да, конечно, очень... То есть, если-бы ты не сказалъ — я-бы еще не догадался, можетъ быть... ну, а теперь — ясно! Когда я говорю съ ней — мнѣ такъ хорошо и легко, какъ будто я, дѣйствительно, ребенокъ... ей Богу!

— Прощай! — сказалъ Алексѣй, сунувъ ему руку и пошелъ къ двери... Но остановясь въ

глубинѣ мастерской, темный и маленькій, онъ спросилъ негромко:

— Ты, чортъ, можетъ сейчасъ выдумалъ это?

— Что?

— Да вотъ любовь эту твою?

— Чудакъ! — воскликнулъ Фома. — Ты-же самъ сказалъ... вотъ какой чудакъ! Я не выдумалъ, а просто не умѣлъ еще понять... ты-же...

— И я дуракъ! — сказалъ Сомовъ, исчезая.

Отъ возбужденія и томительно тревожныхъ мечтаній о будущей встрѣчѣ съ Лизой, Фома забылъ о зубной боли, началъ шагать по мастерской, шумя стружками. На стѣнѣ коптила лампа, едва освѣщая желтыя полосы досокъ надъ головой и у стѣнъ, кудри стружекъ въ углу, маленькое тѣло мальчика, разбросанное на нихъ, темные верстаки, кривыя ножки стульевъ, дерево, зажатое въ тискахъ.

— Чудесно! — думалъ Вараксинъ, крѣпко потирая руки.

Ему рисовалась простая, милая жизнь съ маленькой, умной и сердечной женой, которая все понимаетъ, можетъ отвѣтить на всѣ вопросы. Вокругъ нея — все свои люди, товарищи, и она — своя, кровный свой человѣкъ.

— Хорош-шо!

Потомъ — ссылка, это ужъ навѣрное будетъ, ссылка! Гдѣ-то далеко, въ маленькой деревенькѣ, занесенной снѣгомъ до крышъ, заплутавшейся въ темныхъ и высокихъ, до неба, лѣсахъ, онъ сидитъ вдвоемъ съ нею — учится. По стѣнамъ, на полкахъ, толстыя, солидныя книги — въ нихъ сказано обо всемъ, и оба они переходятъ мысленно отъ одной къ другой по свѣтлымъ путямъ человѣческой мысли. За окномъ оледенѣла тишина, бѣлый снѣгъ одѣлъ землю пуховой шубой, и земля покрыта низкимъ куполомъ сѣвернаго неба — въ комнатѣ тепло, чисто, уютно, играетъ огонь въ печи ярко желтыми, жгучими языками, тихо прыгаютъ по стѣнамъ тѣни и въ маленькой кроваткѣ у одной изъ нихъ, — еще одинъ славный человѣчекъ, рожденный для борьбы за соединеніе всѣхъ людей міра въ одну семью друзей, работниковъ, творцовъ. Въ зимнемъ небѣ холодной страны играютъ красные закаты, напоминая о давнихъ временахъ, когда родились первыя дѣтскія мысли людей, когда возникла къ жизни объединяющая все человѣчество непобѣдимая идея торжества свѣта.

Фома Вараксинъ не любилъ ждать долго: въ

воскресенье онъ надѣлъ свой лучшій пиджакъ, у котораго одна пола вытянулась отчего-то длиннѣе другой, а воротникъ всегда влѣзалъ на затылокъ, надѣлъ рубаху съ накрахмаленной грудью и обшлагами, съ которыхъ надо было остричь мохры, привязалъ синій, съ красными горошинами, галстукъ, приподнялъ плечи какъ могъ выше и — пошелъ къ Лизѣ.

Ясный зимній день весь блестѣлъ въ уборахъ инея, въ бархатномъ одѣяніи снѣга, укрѣпляя въ груди Фомы радостное рѣшеніе, подсказывая ему яркія, чистыя слова. Бѣлыя мохнатыя проволоки телеграфа вытянулись на воздухѣ такъ красиво, прямо къ той улицѣ, гдѣ жила дѣвушка, которую Фома не однажды уже и безъ тѣни сомнѣнія мысленно называлъ своей невѣстой и женой. Хорошій былъ день, радостный, полный свѣта, полный блескомъ серебряныхъ искръ.

— Ахъ... это вы! — сказала Лиза, открывъ ему двери своей комнаты.

— Пришли или уходите? — спросилъ Фома, улыбаясь и крѣпко стиснувъ ея руку.

— Ухожу, — сказала она, сморщившись и подула на пальцы, махая ими передъ лицомъ. На

головѣ у нея была надѣта котиковая шапочка, на лѣвой рукѣ перчатка.

— Ну, я долго не задержу васъ! — пообѣщалъ Фома, усаживаясь на стулъ въ пальто и хлопая шапкой по колѣну.

— Что это вы сіяющій какой? — спросила Лиза, скользя голубыми глазами по его фигурѣ.

Онъ отвѣтилъ не сразу, любовно и пристально осматривая ее, маленькую, круглую и румяную, точно яблоко.

— Куколка! — мелькнуло у него въ головѣ.

Она ходила по комнатѣ отъ двери къ окну, постукивая о полъ каблуками: взглянетъ въ окно, потомъ на гостя, брови ея вздрогнутъ и она, покачиваясь, тихонько двигается къ двери. Ему показалось, что сегодня лицо у нея болѣе строго и озабоченно, чѣмъ всегда.

— Можетъ быть, чувствуетъ! — подумалъ онъ.

— Сейчасъ я вамъ объясню почему я сіяющій, — сказалъ Фома вслухъ и предложилъ ей: — Садитесь, пожалуйста.

Она повела плечами и неохотно или нерѣшительно сѣла противъ него:

— Ну-съ?

Фома наклонился къ ней, протянулъ руку съ желтыми ногтями, окрашенными политурой, и заговорилъ тихимъ голосомъ, мягко и ласково:

— Знаете, товарищъ Лиза, я хочу сказать вамъ одно слово! — Онъ привсталъ взманулъ рукой, указывая впередъ, и внушительно воскликнулъ: — До полнаго!

— Что такое? — спросила Лиза, улыбаясь.

— Я объясню: идетъ пароходъ по рѣкѣ тихо — тихимъ ходомъ, не зная фарватера, но вотъ, дѣло выясняется. „Средній ходъ!“ кричитъ капитанъ въ машину, а дальше, когда нѣтъ сомнѣній, что путь хорошъ, онъ, капитанъ, командуетъ — „До полнаго!“

Лиза недоумѣнно раскрыла глаза и молчала, покусывая губы мелкими, бѣлыми зубами.

— Не поняли? — спросилъ Фома, подвигаясь къ ней.

— Н-нѣтъ! Кто это — капитанъ?

— Капитанъ? Вы! И я... мы оба капитаны своей жизни — вы и я! Намъ принадлежитъ право командовать судьбой — такъ?

— Ну, да, но — въ чемъ-же дѣло? — воскликнула дѣвушка, смѣясь.

Фома протянулъ къ ней руки и повторилъ сорвавшимся голосомъ:

— До полнаго, товарищъ! Вы знаете насъ, меня и всѣхъ, — идите къ намъ, съ нами до полнаго единенія!

Лиза встала, ему показалось, что по лицу ея прошла тѣнь и стерла румянецъ со щекъ, погасила ясный блескъ глазъ.

— Не понимаю! — приподнявъ плечи, говорила она. — Это-же само собою разумѣется... конечно, я съ вами... если ужъ... Почему вы говорите это? Въ чемъ дѣло?

Фома схватилъ ея руки жесткими ладонями и, потрясая ихъ, почти кричалъ:

— Само собой разумѣется! — Чудесно, товарищъ! Я такъ и зналъ... Конечно, вы — вы пойдете!

— Куда? — тревожно спросила она, выдергивая свои пальцы. — Вы-не кричите, я-же не одна живу... Куда идти?

Ея голосъ звучалъ сердито и немного возму-

щенно — Фома услыхалъ это и торопливо объяснилъ:

— Замужъ за меня, я предлагаю! До полнаго ужъ! Знаете, что это будетъ, наша жизнь, товарищъ? Какой будетъ праздникъ...

Стоя передъ нею, чертя и разсѣкая воздухъ руками, онъ сталъ рисовать давно одуманныя картины совмѣстной жизни, работы, картины жизни въ ссылкѣ, говорилъ и все понижалъ голосъ, ибо ему казалось, что Лиза словно таетъ, становится тоньше, ниже, и отодвигается отъ него.

— Господи, какая глупость! — услыхалъ онъ подавленный, обиженный возгласъ. — Какая пошлость!

Фомѣ показалось, что кто-то незамѣтно подскочилъ къ нему и закрылъ ему ротъ такъ крѣпко, что въ груди сразу остановилось сердце и стало невозможно дышать.

— Какъ вамъ не стыдно, Фома! — слышалъ онъ возмущенный, тихій голосъ. — Это-же... ужасно, слушайте! Это — гадость... неужели вы не понимаете? Ой, какъ нехорошо, Боже мой, какъ нехорошо!

Ему казалось, что дѣвушка уходитъ въ стѣну,

прячется въ портретахъ — и лицо ея становится такое-же сѣрое, мертвое, какъ на фотографіяхъ, около ея головы и надъ нею. Она дергала себя за косу одною рукою, а другой отталкивала воздухъ передъ собой и все сокращаясь говорила тихо, но рѣзко:

— Неужели не стыдно вамъ видѣть во мнѣ только женщину...

Фома забормоталъ, разводя руками:

— Почему-же?... Я — не женщину, а вообще... какъ люди, мы съ вами...

— Какое-же это товарищество! — спрашивала она. — Какъ-же я теперь должна буду смотрѣть на васъ?... За что вы меня оскорбили, за что?

Фома не помнилъ какъ онъ ушелъ изъ маленькой комнаты со множествомъ фотографій на стѣнахъ и не помнилъ какъ онъ простился съ Лизой, каковы были ея послѣднія слова — она окончательно слилась, растаяла въ сѣрыхъ пятнахъ, среди суровыхъ учительскихъ лицъ, стала подобной имъ и такой-же, какъ они, внушающей холодное, строгое почтеніе.

Онъ ходилъ по улицамъ, ничего не видя, кромѣ какихъ-то туманныхъ кружковъ передъ глазами,

натягивалъ шапку на голову и думалъ, сосредоточенно, упрямо и тоскливо:

— Почему — глупости? И стыдно — почему? Пошлость? Женщина? Чтожъ такое женщина? Развѣ это важно, это? Если когда двѣ души въ одной идеѣ... что-жъ такое, что женщина? Почему — гадость непремѣнно?

И снова туго натягивалъ шапку на уши: голова его зябла, точно набитая льдомъ, и это ощущеніе холода было такъ остро, что сердце отъ него ныло, словно послѣ угара.

Хоронили солдата, четверо бравыхъ ребятъ въ мундирахъ мѣрно и широко шагая несли гробъ, и онъ хорошо, правильно такъ, покачивался на холодномъ воздухѣ. Впереди шелъ барабанщикъ, ловко стукалъ палочками по холодной кожѣ и разсыпалъ въ воздухѣ дробную внушительную трель. Сзади шагалъ цѣлый взводъ съ ружьями на плечахъ, головы солдатъ были повязаны черными наушниками и всѣ они, казалось, ранены глубокими ранами.

А сбоку гроба бѣжала, поджавъ хвостъ, маленькая сѣрая собачка, и когда барабанщикъ переставалъ бить похоронную дробь, она подскакивала къ нему, а когда палочки его снова трещали — со-

бака, отпрыгнувъ всторону, робко и печально взвизгивала.

Фома Вараксинъ съ большимъ усиліемъ снялъ шапку, прислонился спиной къ забору, смотрѣлъ на странныхъ солдатъ, вздрагивалъ отъ холода, наполнявшаго грудь и думалъ, словно спрашивая кого-то:

— Почему — стыдно?

Изданія книгоиздательства П. П. ЛАДЫЖНИКОВА
Berlin W. 15, Uhlandstraße 52.

Поступили въ продажу изданія на русскомъ языкѣ:

Давидъ Айзманъ

ТЕРНОВЫЙ КУСТЪ. Трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 1м. 50пф.

Леонидъ Андреевъ

САВВА (Ignis sanat). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 2м. —пф.
АНАТЭМА. Пьеса. 2м. —пф.
АНФИСА. Пьеса. 1м. 50пф.
КЪ ЗВѢЗДАМЪ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 1м. 50пф.
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА. Представленіе въ 5 картинахъ. (Изд. распродано.)
ЦАРЬ-ГОЛОДЪ. Представленіе въ 5 картинахъ. 1м. 50пф.
ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 1м. 50пф.
ЧЕРНЫЯ МАСКИ. Представленіе въ 2-хъ дѣйствіяхъ и 5 картинахъ. 1м. 50пф.
РАЗСКАЗЪ О СЕМИ ПОВѢШЕННЫХЪ. 1м. 50пф.
МОИ ЗАПИСКИ. Отрывки изъ воспоминаній. 1м. 50пф.
СЫНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ. Разсказъ. 1м. —пф.
ІУДА ИСКАРІОТЪ И ДРУГІЕ. Повѣсть. 1м. 50пф.
ЖИЗНЬ ВАСИЛІЯ ѲИВЕЙСКАГО. Повѣсть. 1м. 50пф.
КРАСНЫЙ СМѢХЪ. Отрывки изъ найденой рукописи. 1м. 20пф.
ГУБЕРНАТОРЪ. Повѣсть. 1м. 20пф.
ТЬМА. Разсказъ. 1м. 20пф.
ПРОКЛЯТІЕ ЗВѢРЯ. Очеркъ. 1м. —пф.
ТАКЪ БЫЛО. Очеркъ изъ французской революціи. 75пф.

Изданія книгоиздательства И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
Berlin W. 15, Uhlandstraße 52.

ХРИСТІАНЕ. Разсказъ. 50пф.
ЕЛЕАЗАРЪ. Разсказъ. 50пф.
ЛЮБОВЬ КЪ БЛИЖНЕМУ. Шуточное представленіе. 50пф.

В. Вересаевъ

ЧЕСТНЫМЪ ПУТЕМЪ. Повѣсть. 1м. —пф.

Н. Гаринъ

КОРЕЙСКІЯ СКАЗКИ. 2м. —пф.

Максимъ Горькій

ЖИЗНЬ НЕНУЖНАГО ЧЕЛОВѢКА. 4м. —пф.
ИСПОВѢДЬ. Повѣсть. 3м. —пф.
МАТЬ. Повѣсть изъ жизни рабочихъ. Изд. 2-е 4м. —пф.
ЛѢТО. Повѣсть. 3м. —пф.
ГОРОДОКЪ ОКУРОВЪ. Хроника. 3м. —пф.
МАТВѢЙ КОЖЕМЯКИНЪ. Повѣсть. 2м. 50пф.
РОМАНТИКЪ. Разсказъ 60пф.
ДАЧНИКИ. Сцены. 2м. —пф.
ДѢТИ СОЛНЦА. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 2м. —пф.
ВАРВАРЫ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 2м. —пф.
ВРАГИ. Сцены изъ жизни русскихъ рабочихъ. 2м. —пф.
ПОСЛѢДНІЕ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 1м. 50пф.
ВЪ АМЕРИКѢ. Очерки. Содержаніе:
Городъ Желтаго Дьявола. — Царство скуки. — „Mob“ — Чарли Мэнъ. 1м. 50пф.

Изданія книгоиздательства И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
Berlin W. 15, Uhlandstraße 52.

ТЮРЬМА. Разсказъ. 1м. 50пф.
СОЛДАТЫ. Очерки. Содержаніе: Патруль. — Изъ повѣсти. 1м. —пф.
БУКОЕМОВЪ. Очерки. Содержаніе: Букоемовъ, Карпъ Ивановичъ.—Дѣвочка. 90пф.
РАЗСКАЗЪ ФИЛИППА ВАСИЛЬЕВИЧА. 90пф.
А. П. ЧЕХОВЪ. Отрывки изъ воспоминаній 90пф.
ЧЕЛОВѢКЪ, Поэма. 60пф.
9-е ЯНВАРЯ. Очеркъ. 60пф.
ТОВАРИЩЪ! Сказка. 50пф.
ИНТЕРВЬЮ
I. Прекрасная Франція. (Изд. распродано.)
II. Одинъ изъ королей республики. 50пф.
III. Жрецъ морали. 50пф.
IV. Хозяева жизни. 50пф.
V. Русскій царь. 50пф.

Левъ Дейчъ

ЧЕТЫРЕ ПОБѢГА. Воспоминанія. 2м. 50пф.

Осипъ Дымовъ

КАЖДЫЙ ДЕНЬ. Трагедія въ 4-хъ частяхъ. 1м. —пф.

Ген-ад. А. Н. Куропаткинъ

ЗАПИСКИ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ 8м. —пф.

Ю. Лавриновичъ

КТО УСТРОИЛЪ ПОГРОМЫ ВЪ РОССІИ? 4м. —пф.

Изданія книгоиздательства И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
Berlin W. 15, Uhlandstraße 52.

Д. С. Мережковскій

СМЕРТЬ ПАВЛА I. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. 2м. —пф.

В. С. Морозовъ

ЗА ОДНО СЛОВО. Разсказъ, съ предисл. Л. Н. Толстого. 50пф.

Г. Панюринъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. 2м. —пф.

Г. Петровъ

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТУ АНТОНІЮ. 1м. —пф.

Скиталецъ

ЛѢСЪ РАЗГОРАЛСЯ. Разсказъ. 50пф.
ПОЛЕВОЙ СУДЪ. Разсказъ. (Изд. распродано.) 50пф.
ОГАРКИ. Типы русской богемы. (Изд. распродано.)
ПОГРОМЫ ВЪ РОССІИ. (По оффиціальнымъ документамъ.) 6м. —нф.

Л. Н. Толстой

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ. (О смертныхъ казняхъ въ Россіи.) 3-е изданіе. 1м. —пф.
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ХРИСТІАНСТВО. 1м. —пф.

Арвидъ Ернефельтъ

Титъ (Разрушитель Іерусалима) Драма въ пяти дѣйствіяхъ. 2м. —пф.

Изданія книгоиздательства И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
Berlin W. 15, Uhlandstraße 52.

Кн. С. Д. Урусовъ

ЗАПИСКИ ГУБЕРНАТОРА. Кишиневъ 1903—1904 г. Изд. 2-е, дополненное. 3м. —пф.

Р. М. Хинъ

ПОДЪ СѢНЬЮ ПЕНАТОВЪ. Пьеса въ 1-мъ дѣйствіи. 60пф.

Евгеній Чириковъ

МУЖИКИ. Сцены изъ крестьянской жизни. 2м. —пф.
МЯТЕЖНИКИ. Повѣсть изъ крестьянскаго движенія. 1м. 50пф.
ЕВРЕИ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 1м. 50пф.
ЛЕГЕНДА СТАРАГО ЗАМКА. Драматическая фантазія. 1м. 50пф.
КРАСНЫЕ ОГНИ. Драматическая фантазія. 1м. —пф.
НА ПОРУКАХЪ. Повѣсть. 1м. —пф.
„ТОВАРИЩЪ“. Разсказъ изъ тюремной жизни. 50пф.
НА ПОРОГѢ ЖИЗНИ. Разсказъ. 60пф.

Семенъ Юшкевичъ

ГОЛОДЪ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 2м. —пф.
ПРОЛОГЪ. Романъ. 2м. —пф.
ЕВРЕИ. Повѣсть. 2м. —пф.
ЧУЖАЯ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. 1м. —пф.
ДИНА ГЛАНКЪ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 1м. 50пф.
СЕМЬЯ. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 1м. —пф.

В. С. Морозовъ

За одно слово

Разсказъ, съ предисловіемъ

Л. Н. Толстого

Berlin
Bühnen- und Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow

INTERNATIONAL BOOK STORE
A. WASSERMAN,
45 CLINTON ST. NEW YORK

Предисловіе.

Разсказъ этотъ написанъ любимѣйшимъ моимъ ученикомъ первой моей школы 1862 года, тогда милымъ 12-ти лѣтнимъ Васькой Морозовымъ*), теперь уважаемымъ 60-тилѣтнимъ Василіемъ Степановичемъ Морозовымъ.

Какъ тогда мнѣ были особенно дороги въ миломъ мальчикѣ его чуткость на все доброе, его сердечность и, главное, всегдашняя искренность и правдивость, — такъ и теперь мнѣ особенно понравились тѣ-же черты въ этомъ простомъ разсказѣ, такъ ярко отличающемся своей правдивостью отъ большинства литературныхъ писаній.

---

*) О немъ я писалъ въ 1862 г. въ статьѣ: „Кому у кого учиться писать, крестьянскимъ ребятамъ у насъ или намъ у крестьянскихъ ребятъ, помѣщенной въ IV томѣ полнаго собранія моихъ сочиненій.

Чувствуешь, что тутъ нѣтъ ничего придуманнаго, сочиненнаго, а разсказано то, что именно такъ и было, — выхваченъ кусочекъ жизни, и той именно русской жизни съ ея грустными, мрачными, и дорогими, задушевными чертами.

Думаю, что я не подкупленъ моей привязанностью къ сочинителю и что читателямъ разсказъ полюбится такъ же, какъ и мнѣ.

Левъ Толстой.

1908 г. 18 іюля.

Какъ-то въ эту зиму мнѣ пришлось пить чай въ знакомомъ трактирѣ. Дѣло было въ четыре часа пополудни, и мнѣ по обыкновенію, какъ завсегдатаю трактира „изъ уважительности“ подали газету.

Надѣвъ свои стариковскіе очки, я уткнулся въ газету и занялся чтеніемъ статьи о Львѣ Толстомъ.

Въ трактирѣ было тихо, народу было мало, и я весь отдался чтенію.

Оторвалъ меня отъ чтенія подошедшій ко мнѣ старикъ въ зипунѣ, лаптяхъ и съ сумочкой на рукѣ. Онъ слегка дотронулся своей рукой до моего плеча и проговорилъ:

— Не дадите-ли копеечку? Ѣсть хочется.

Мнѣ стало досадно на то, что нахалъ этотъ

тревожитъ меня. И, считая себя самого бѣднякомъ, чуть ли не нищимъ, хотя я и не побираюсь, я съ досады, не отрываясь отъ газеты, проговорилъ:

— Много васъ тутъ шатается голодныхъ; я и самъ голоденъ, ну тебя къ чорту!

И, сказавъ это, сталъ опять читать.

Но чтеніе мое прервалъ странный звукъ: рыданія и всхлипыванія.

Я скинулъ очки, положилъ на газету и посмотрѣлъ на просителя. Это былъ старикъ, очевидно крестьянинъ, блѣдный, худой, сгорбленный. Онъ стоялъ не двигаясь, и изъ впалой груди его, не переставая, разъ за разомъ вырывались рыданія и всхлипыванія.

Мнѣ стало вдругъ и стыдно и больно. Что-то мнѣ подступило къ горлу, и я самъ едва удержался отъ слезъ; мы, старые люди, слабы на слезы, мнѣ было стыдно, и я въ душѣ старался оправдать себя за то, что не подалъ ничего, да еще и послалъ его къ чорту: „Я самъ голодный, безъ работы и съ большимъ семействомъ на рукахъ“, подумалъ я про себя. Но сейчасъ же въ душѣ моей заговорилъ

голосъ совѣсти: „А все-таки не надо было такъ поступать съ нимъ. Все-таки нехорошо, нехорошо сдѣлалъ ты, братъ Василій“, говорилъ я себѣ.

Я не зналъ, что заставило его такъ разрыдаться: нужда ли въ хлѣбѣ или мой грубый отказъ. Во всю свою 60-тилѣтнюю жизнь я мало видѣлъ радостей, и съ тѣхъ поръ, какъ сталъ помнить себя, мнѣ нерѣдко приходилось испытывать на себѣ черствость людей и слышать отъ нихъ такія же слова, какъ тѣ, какія я сказалъ этому старику, но все-таки мнѣ было больно и стыдно.

Я сидѣлъ; онъ стоялъ передо мною, и съ минуту мы молча смотрѣли другъ на друга. Я долго не находилъ словъ, чтобы заговорить съ нимъ, но наконецъ, поборовъ смущеніе, я такимъ же неровнымъ, робкимъ голосомъ, какимъ онъ просилъ у меня за минуту передъ тѣмъ копейку, сказалъ:

— Чего же ты, другъ, плачешь? Вѣдь этимъ не поможешь, нужно терпѣть.

— Тяжело терпѣть... Пытался работишки найти. Нѣту. Милостыню просить, — дѣло непривычное... Тоже не даютъ. Вотъ какъ выпустили

изъ тюрьмы, повѣришь ли, дядюшка, третій день фунтъ хлѣба не доѣлъ. Затощалъ страсть!

И онъ опять заморгалъ глазами и засопѣлъ носомъ, и слезы опять выступили ему на глаза.

Мнѣ было неловко, но такъ какъ мнѣ казалось, что человѣкъ этотъ, выпущенный изъ тюрьмы, не объ одномъ хлѣбѣ такъ убивается, что есть на душѣ у него что-нибудь поважнѣе, я попытался разговориться съ нимъ, чтобы, если можно, утѣшить его.

— Слезами, братъ, не поможешь, сказалъ я, а больше себя разстроишь. Вотъ садись со мной здѣсь, поговоримъ. Разскажи все толкомъ.

Старикъ подсѣлъ ко мнѣ. Сумочку свою положилъ къ себѣ на колѣни; и я началъ его спрашивать.

— Ты откуда будешь самъ-то?

— Я-то? Я самъ Курской губерніи, уѣзда Обоянскаго, Рыбацкой волости, села Бобровка.

— Какъ же ты сюда то попалъ?

— Какъ попалъ? Выслали сюда.

— За что же такъ?

— Выслали-то? Да за слово, за одно слово.

— Какое-же такое слово, милый человѣкъ?

Онъ замялся, какъ бы боясь мнѣ сказать, за какое слово онъ страдаетъ. Хотя я и крестьянинъ, но одѣтъ былъ по-городски: на мнѣ былъ пиджакъ и крѣпкіе сапоги съ галошами, передо мной лежали газета и очки. Все это онъ пытливо и недовѣрчиво осмотрѣлъ и замолчалъ, вѣроятно подозрѣвая меня въ какихъ-нибудь недобрыхъ замыслахъ. „Не спроста, молъ, разспрашиваетъ меня, что, да за что, да откуда.“ И старикъ замолчалъ, вѣроятно думая, что лучше доброе молчаніе, чѣмъ слово невпопадъ.

Я понялъ, что ему тяжело сказать это слово, за которое онъ страдаетъ, незнакомому, городскому человѣку, который можетъ оказаться волкомъ въ овечьей шкурѣ. И, понявъ это, я не старался болѣе вызвать его на откровенность, хотя мнѣ и очень хотѣлось узнать, какъ могъ попасть такой человѣкъ и быть высланъ, какъ онъ очевидно былъ высланъ за „политическія дѣла.“

Я зналъ много политическихъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ жилъ даже на одной квартирѣ. Это

большею частью были люди молодые, развитые, самоувѣренные краснобаи. Какъ же могъ попасть въ политическіе такой, совершенно непохожій на этихъ людей, жалкій старикъ.

— Вотъ что, — сказалъ я ему, — ты вотъ поди теперь вонъ въ тотъ зальчикъ, посиди тамъ съ полчаса. А когда соберутся извозчики, я постараюсь собрать тебѣ съ ихъ помощью сколько возможно; а теперь закажи себѣ щей и проси хлѣба, сколько съѣшь.

— А какъ же, денегъ то у меня нѣтъ? Ну-ко!

— Ну-ко, проси, ѣшь, деньги уплотимъ.

Старикъ пошелъ. Я остался опять одинъ; надѣлъ очки и сталъ дочитывать статью. И опять мое чтеніе прервали. Подошелъ половой.

— Василій Степановичъ! Вы приказали подать старику щей и хлѣба?

— Да.

— Вы заплатите 12 копеекъ?

— Да.

Черезъ полчаса не болѣе, всѣ столы были заняты извозчиками: они проводили поѣздъ и

собрались на вечерній чай и ужинъ. Тихій до этого трактиръ сталъ шумнымъ отъ разговоровъ: кто разсказывалъ про жандарма, кто про пассажира, кто ругалъ ухабистую дорогу. Разсказы перебивали одинъ другой, вперемежку съ бранью и остротами.

Я сидѣлъ, выжидая времени, чтобы обратиться къ товарищамъ съ своимъ воззваніемъ. Я самъ много лѣтъ былъ извозчикомъ. И я всѣхъ зналъ, и меня всѣ знали. Спустя полчасика разговоры стали смолкать, всѣ занялись ѣдой, чаепитіемъ и бражничаньемъ за полбутылкой. Я долго не рѣшался начать. Наконецъ набрался смѣлости и обратился къ болѣе другихъ надежному въ этомъ дѣлѣ человѣку, котораго всѣ звали Алехой, но для такого торжественнаго случая я назвалъ его Алексѣемъ Титычемъ.

Я разсказалъ ему подробно въ чемъ дѣло и предложилъ вмѣстѣ вызвать у товарищей сочувствіе къ бѣдному человѣку, нашему брату крестьянину, который страдаетъ, какъ самъ говоритъ, за одно слово и проситъ помочь ему.

Я вызвалъ старика изъ темнаго зальчика. Со стороны извозчиковъ не было вопросовъ: „чей? откуда? за что?“ Какъ по командѣ, всѣ одинъ за другимъ стали вынимать кошельки, и помощь въ видѣ мѣдныхъ монетъ потекла со всѣхъ сторонъ въ руки старику.

— Не взыщи, старичекъ, нынче какъ есть, ни за что пропадешь, говорили жертвователи, подавая.

Старикъ былъ совсѣмъ растроганъ и едва успѣвалъ кланяться жертвователямъ. Дѣло было сдѣлано: у старика была полная горсть мѣдяковъ.

Теперь я ужъ не боялся испугать старика своимъ любопытствомъ и просилъ высказать мнѣ, отчего съ нимъ это случилось. Я попросилъ его посидѣть со мной, и, когда онъ присѣлъ, я спросилъ:

— За какое же слово тебя, милый человѣкъ, выслали сюда?

Его прежняя робость прошла. Онъ окинулъ взглядомъ жертвователей, какъ бы приглашая и ихъ послушать, и началъ свой разсказъ.

— Тяжело, другъ, охъ какъ тяжело! Вѣрите ли, Богу одному извѣстно. Онъ порукой намъ, батюшка, что я правду говорю. Только за одно слово потерпѣлъ. Дѣло такъ было. Былъ у насъ въ губерніи, въ Курскѣ, погромъ. Я, чай, слышали?

— Да, какже, — подтвердили нѣкоторые, — и въ газетахъ писали.

— Ну, вотъ... да, да, може и писали въ газетахъ, но слушокъ то вездѣ былъ. Такъ вотъ: начали крестьяне господъ разорять, все у нихъ отбирать, увозить, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поджигать начали.

— Чтожъ, и ты, дядя, тамъ, значитъ, дѣйствовалъ? — спросилъ Алеха.

— Я то? То-то и дѣло, что нѣтъ. Меня за слово выслали, за одно слово. Ѣду я разъ изъ своего города, изъ Обояни, и ѣдутъ со мной нашего барина работники — хуторцы. Слово за слово. Тары — да бары... Разговорились. Они меня знаютъ, и я ихъ знаю. Они говорятъ: „Вотъ хорошо, Микишка, ваши обоянцы очистили свое

поле отъ нашего барина, теперь очистили бы отъ этого хутора, сожгли бы и его. А я только и сказалъ: наши обоянцы очистили свое поле отъ вашего барина, а вы сами, коли охота, поджигайте свой хуторъ.“ Тѣмъ разговоръ у насъ съ ними и кончился. Только это сказали и попрощались, и поѣхали они своей дорогой, я — своей.

И забылъ я и думать про это. Живу дома. Только такъ черезъ недѣлю... Дѣло къ вечеру. Полѣзъ я на печку. Лежу. И только сталъ засыпать, забываться, кто-то загрохалъ въ раму. „Охъ ты, пусто тебя возьми!“ даже дрогнулъ. Дочь моя старшая вышла отворить. Я приподнялъ голову. Слухаю. Кто такой дурашливый? Слышу, спрашиваетъ меня. Имя и фамилію свою слышу. Дочь говоритъ ему: „Дома, на печи лежитъ“. Не пойму, чей голосъ. Смотрю, въ хату лѣзетъ стражникъ. „Гдѣ онъ тутъ?“ Называетъ меня. Я такъ и обмеръ. Думаю, зачѣмъ я ему понадобился? А этого и въ головѣ не держу, что у насъ съ работниками разговоръ баялся. „Но, слѣзай, одѣвайся скорѣй, живо маршъ, въ станъ къ исправнику!“

Я пытался спросить, зачѣмъ, а онъ, псяга, несговорчивый оказался, даже притопнулъ ногой и крикнулъ: „Не разсуждать, живо!“ Я второпяхъ надѣлъ вотъ эту свитку. Даже и вязанки на руки не захватилъ. Вышелъ и пошелъ. Онъ сѣлъ на коня верхомъ и меня гономъ погналъ. Ребятишки мои перепугались. У меня пятеро дѣтей, самая старшая дочь 17-ти лѣтъ и мальчикъ 12-ти, остался хозяинъ, а тѣ все меньше и меньше. Всю деревню они меня проводили, кричали благимъ матомъ, плакали.

И старикъ задыхнулся, грудь его заколыхалась, плечи задергались, а лицо исказилось, и онъ ладонью закрылъ глаза.

— Охъ, какъ трудно, братцы, разставаться, вѣдь у меня старшая дочь, не спусти Богъ съ порукъ, а сынишка ... что-жъ онъ вѣдь пискленокъ, а я вотъ тутъ какъ былинка, за глазами у пятерыхъ. Видите: во мнѣ силы-то осталось золотники, а мучиться-то еще сколько! Господи, кажется, цѣлый вѣкъ прожилъ бы скорѣе, нежели протяну эту годину!

— Да изъ-за чего же все это вышло?

— А вышло это отъ того — такъ люди сказывали: работники барскіе пріѣхали домой, да и скажи управляющему: „Вотъ, говорятъ, мы ѣхали съ Микишкой; Микишка намъ разсказалъ, какъ ихніе обоянцы очистили свое поле отъ барскаго помѣстья, теперь, говоритъ, чередъ за вами, очищайте свой хуторъ барскій.“ Управляющій передалъ барину, а баринъ нашъ подполковникъ отставной; онъ написалъ губернатору бумагу, вотъ, молъ, такой-то крестьянинъ Микишка подстрекаетъ моихъ работниковъ на поджогъ моего хутора; а я этого и въ головѣ не держалъ.

Куда? Да перво пригналъ меня стражникъ въ станъ къ исправнику. Дѣло уже поздно было. Посадили меня они въ арестный домъ, потому вечеромъ меня не допрашивали. Ночь мнѣ, дѣтки, показалась за недѣлю. Я и глазъ не сомкнулъ. Ну, думаю, исправникъ долго не будетъ держать меня: спроситъ что, и — домой. Дома высплюсь. Вотъ вижу, разсвѣтаетъ. Утро. Жду, жду и таково-то долго. Все меня не зовутъ. А душа просто изъ

тѣла выскочить хочетъ. Сердце: „екъ, екъ!“ Охъ, думаю, недоброе будетъ. Слышу стукъ въ моемъ казематѣ. Ну, молъ, къ Іисусу, Микишка. Замокъ звякнулъ; дверь отворилась, привели меня къ исправнику. Исправникъ глянулъ на меня, покачалъ головою и говоритъ: „Однако ты, братъ, на старости лѣтъ на хорошую попалъ дорожку. Тебѣ бы внушать молодымъ, а ты самъ... Какъ онъ бишь назвалъ слово-то это мудреное: „про — про — пади“, что ли... нѣтъ, не выговорю, запамятовалъ.

— Пропагандиромъ сталъ, — подсказалъ кто-то.

— Такъ, это самое. Я и сейчасъ не знаю, къ чему это слово клонитъ. Потомъ взялъ бумагу и говоритъ: „Вотъ слушай, эта бумага отъ губернатора приказъ“, и началъ читать. Въ глазахъ у меня затуманило; голова кругомъ пошла, и ничего я не понялъ, только понялъ слова, что будто я къ поджогу подговаривалъ. Кончилъ онъ читать и говоритъ: „Ну, въ какой губерніи ты желаешь поселиться?“ Я молчу, не знаю, что ему сказать. Онъ опять повторяетъ. „Въ какой губерніи?“ Я

стою, какъ статуй. „Ну, я тебѣ назначаю мѣсто въ Тулу. Слышишь, что я тебѣ сказалъ?“ — Слушаю, а теперь, васкородіе, можно идтить совсѣмъ домой? — „Возьмите его и отведите!“ Тутъ стояли два солдата и меня подъ конвоемъ отвели въ тюрьму. Сабли на голо, одинъ впереди, другой позади... какъ лютаго звѣря. Тамъ я просидѣлъ двѣ недѣли, а потомъ меня этапомъ привезли въ Тулу. Отродясь не былъ тутъ. Повѣрите ли, дѣтки, три дня ходилъ съ фунтомъ хлѣба. Затощалъ. Насчетъ работенки у васъ, я вижу, туговато; пытался куда устрять, да нѣту. Тоже милостыню просить — дѣло непривычное — никто не подаетъ. Дай Богъ вамъ добраго здоровья, дѣтки, навелъ меня Богъ на васъ. Нахлебался и хлѣба досыта наѣлся, и вотъ, про запасъ еще собрали. Богъ вамъ невидимо Царство Небесное пошлетъ.

И онъ началъ креститься и кланяться на всѣ стороны.

— Благодарствуйте!

— Что же тебѣ судъ былъ? — спросилъ кто-то.

— Какой судъ? Никакого суда не было. Съ нами судъ короткій!

— Ну, а потомъ куда же они привели тебя? — спросилъ я.

— Что же теперь дѣлать, дѣдъ? Умирать все равно на своей ли пашнѣ, на чужой ли, — земля и земля... А дѣти выростутъ безъ тебя, авось мы всѣ въ кабалѣ; вонъ говорятъ и въ газетахъ пишутъ, по однимъ острогамъ большія тысячи сидятъ. Кто за правду, а кто и за неправду, кого повѣсили, кого зарѣзали, застрѣлили, вотъ тебѣ и свѣту конецъ! Живи, дѣдъ, пока сама душа не выйдетъ.

Старикъ повернулъ голову въ ту сторону, откуда проповѣдывалъ ему голосъ и какъ будто въ знакъ согласія передернулъ плечами, почесываясь отъ насѣкомыхъ, которыми его щедро наградила тюрьма.

— Дѣдъ, тебѣ бы въ баню нужно, — замѣтилъ кто-то, — да въ жаркой печи одеженку бы выжарить, а то острожные квартиранты заѣдятъ.

— Да, дитенокъ, давно не мылъ тѣло. Ну братья, твори Богъ волю свою. Спасибо вамъ.

— Не на чемъ, не на чемъ, дѣдушка. Заходи коли еще когда. Мы тебѣ еще соберемъ.

— Спасибо, спасибо, милые мои; мнѣ може завтра счастье выпадетъ. Меня обѣщались взять на конку въ поденщики: а теперь простите меня, дѣтки; я пойду, не обезсудьте.

— Куда же, въ ночлежный?

— Нѣтъ, я тамъ ночевалъ. Народъ тамъ — Боже упаси. Пойду, ночую на вокзалѣ, а завтра можетъ Богъ дастъ на конку.

Я вышелъ съ нимъ вмѣстѣ изъ трактира, и мы распростились. Я пожалъ ему руку.

— Спасибо, отецъ, — сказалъ онъ, — я съ вами отдохнулъ.

— Снялъ шапку, перекрестился и направился на вокзалъ, а я домой.

Вотъ, подумалъ я, человѣку приходится влачить свою старческую жизнь вдали отъ своихъ дѣтей. Годъ великъ. Доживетъ ли онъ увидѣть своихъ

сиротъ, и что будетъ со старшей дочерью, о которой онъ говорилъ: „не спусти Богъ съ порукъ.“ Все можетъ случиться. Кто замѣнитъ ей отца. Скорѣе безпризорныя натыкаются на такихъ, что обманутъ и опозорятъ.

Изданія книгоиздательства И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
Berlin W. 15.

Книги, вышедшія въ 1908 году:

М. ГОРЬКІЙ

Мать

Повѣсть изъ жизни рабочихъ. Второе, пересмотрѣнное авторомъ, единственно полное изданіе.

Цѣна 4 марки.

Исповѣдь

Повѣсть

Цѣна 3 марки.

Жизнь ненужнаго человѣка

Повѣсть изъ жизни шпіоновъ.

Цѣна 4 марки.

Послѣдніе

Сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Цѣна 1 м. 50 пф.

Изданія книгоиздательства И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
Berlin W. 15.

Книги, вышедшія въ 1908 году:

М. ГОРЬКІЙ

Солдаты

Очерки

Цѣна 1 марка.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

Царь-Голодъ

Представленіе въ пяти картинахъ, съ прологомъ.

Цѣна 1 м. 50 пф.

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ

На порогѣ жизни

Очеркъ

Цѣна 60 пф.

Изданія книгоиздательства И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
Berlin W. 15.

Книги, вышедшія въ 1908 году:

ЛЕВЪ ДЕЙЧЪ (Авторъ книги „16 лѣтъ въ Сибири")

Четыре побѣга

Записки изъ жизни русскихъ революціонеровъ.

Цѣна 2 м. 50 пф.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Не могу молчать

Цѣна 1 марка.

Князь С. Д. УРУСОВЪ (бывшій тов. мин. внутреннихъ дѣлъ)

Записки Губернатора

Томъ 1: Кишиневъ 1903—1904 г.
Второе дополненное изданіе.

Цѣна 3 марки.

Въ это изданіе вошло нѣсколько главъ, которыя не могли быть напечатаны въ первомъ изданіи книги.

ДѢТИ

RUSSIAN BRANCH
QUINCY, MASS.
SOCIALIST PARTY

Kinder

Ein Schwank von Maxim Gorki.

М. Горькій

ДѢТИ

Комедія въ одномъ дѣйствіи

Berlin
Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das Uebersetzungsrecht in fremde Sprachen.

Den Bühnen gegenüber Manuskript.

Das Aufführungsrecht ist nur vom Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow, Berlin W. 15 zu erwerben.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

КНЯЗЬ СВИРЬ-МОКШАНСКІЙ — человѣкъ неопредѣленнаго возраста, лысоватый, хилый.

БУБЕНГОФЪ — солиденъ, держится завоевателемъ.

МОКѢЙ ЗОБНИНЪ — лѣтъ пятидесяти, вертлявъ, боекъ и мечтателенъ.

ИВАНЪ КИЧКИНЪ — старъ, тученъ и нездоровъ.

ПЕТРЪ ТИПУНОВЪ — сладкогласенъ и миролюбивъ.

КОСТЯ ЗРЯХОВЪ — юноша пухлый, говоритъ пренебрежительно, съ неожиданными оттяжками.

ЕВСТИГНѢЙКА — личность растрепанная, съ безумными глазами.

ТАТЬЯНА ЗОБНИНА — дама вдовая, дородная, двигается неохотно.

МАРЬЯ ВИКТОРОВНА — дѣвица бойкая и живая.

НЕТРЕЗВЫЙ ПАССАЖИРЪ.

СТАРУХА СЪ ПРОШЕНІЕМЪ.

НАЧАЛЬНИКЪ СТАНЦІИ.

БЫКОВЪ — сторожъ.

ЖАНДАРМЪ.

ТЕЛЕГРАФИСТЪ.

Помѣщеніе для пассажировъ I и II класса на маленькой станціи въ пяти верстахъ отъ заштатнаго города Верхняго Мямлина. Одна дверь прямо противъ зрителя, другая — въ лѣвомъ углу. За этой дверью — уборная. Суетится Зобнинъ, распаковывая кульки, Татьяна и Костя разставляютъ на столѣ бутылки и закуски.

ЗОБНИНЪ (озабоченно).

Стало быть — помни, Татьянъ: какъ только я его введу — сейчасъ ты встрѣчу ему съ подносомъ...

ТАТЬЯНА.

Слышала ужъ! Только — долго я не сдержу: тутъ болѣ пуда...

ЗОБНИНЪ.

Удержишь! Должна удержать, коли тебѣ браслета обѣщана! А ты, Кость, валяй поздравленіе, да поскладнѣй какъ, да позычнѣе, онъ, поди-ка, глуховатъ.

КОСТЯ (пренебрежительно).

Ладно, скажемъ! Видалъ я ихъ брата... Это ваши понятія такія, что коли князь, такъ ужъ обязательно — глухъ, али еще чѣмъ страшенъ.

ЗОБНИНЪ (мечательно).

Эхъ, кабы удалось! Ловко-бы... н-да-а! Кичинато обошелъ я... онъ тамъ дома готовится, а я... (Безпокойно). Ты гляди, Татьянъ — сначала можжевеловой ему, да рюмку-то побольше которая...

КОСТЯ (съ горечью).

Эхъ, культурность! Можжевеловой... князю-то! (Сплевываетъ сквозь зубы на полъ, сокрушенно качая головой).

ЗОБНИНЪ (задумчиво).

Чтожъ -- купороснаго масла поднести ему, что-ли? (Увѣренно). Ничего! Можжевеловая, она сразу непривычнаго человѣка ушибетъ! Какого ты сословія ни будь, она, братъ, всякое упрямство разможжитъ...

ТАТЬЯНА (вздыхая).

Все, чтобы разможжить...

ЗОБНИНЪ.

Дуреха! Надо намъ, чтобы человѣкъ мягокъ былъ и ласковъ съ нами, али на надо? Ты — молчи! Ты старайся красивѣе быть...

КОСТЯ (ворчитъ).

Тутъ, для этого, бургонское али шампанское требуется.

ЗОБНИНЪ (раздражаясь).

Отстань, подь въ болото! Послушалъ я тебя, угостилъ намедни сдѣдователя бургонскимъ этимъ...

КОСТЯ (возмущенъ).

Да кагоръ это былъ, говорю я вамъ, а вовсе не бургонское! Простое церковное вино!

ЗОБНИНЪ (кричитъ).

Врешь! Оконфузилъ ты меня! Откуда въ церковномъ таракану быть?

НАЧАЛЬНИКЪ СТАНЦІИ (въ дверяхъ).

Дѣйствуете?

ЗОБНИНЪ.

Готовимся. Сколько до поѣзда?

НАЧАЛЬНИКЪ СТАНЦІИ.

Еще... часъ тридцать семь. А у жены моей зубы разболѣлись.

ТАТЬЯНА.

Вы ихъ — парнымъ молокомъ...

КОСТЯ (скорбно).

Вотъ! О, Господи... парное молоко!

НАЧАЛЬНИКЪ СТАНЦІИ.

Съ молока меня, извините, тошнитъ. (Мечтательно). Нѣтъ, противъ зубовъ слѣдуетъ употреблять что нибудь крѣпкое...

КОСТЯ (увѣренно).

Обязательно! Нагрѣтый коньякъ, а то — ромъ.

НАЧАЛЬНИКЪ СТАНЦІИ (улыбаясь).

Коньякъ... да-а!

ЗОБНИНЪ (хмуро).

Гдѣ его достанешь? Мы вотъ своими средствами... (Вздохнувъ, начальникъ станціи притворилъ дверь.) Понимаю я чего тебѣ надобно! Погоди, братъ. — все, что останется, твое будетъ...

ТАТЬЯНА (Костѣ).

Вы мнѣ на хвостъ наступили...

КОСТЯ (галантно).

Пардонъ! Распространяетесь очень!

ЗОБНИНЪ (мечтаетъ),

Да-а... кабы удалось! Ты, Татьянъ, будь развязнѣй. Ты — вдова, а онъ старичекъ, человѣкъ для тебя безвредный... И ты, Костя, тоже...

КОСТЯ.

Ну, вотъ, не видалъ я князей! Ихъ въ Москвѣ на каждой улицѣ по трое живетъ... Но откуда вамъ извѣстно, что онъ глухъ и старичекъ — это ужъ я не понимаю!

ЗОБНИНЪ (вдумчиво).

Да вѣдь какъ-же? Первое дѣло — князь...

КОСТЯ.

Вы меня не учите, пожалуйста! У меня — свои взгляды...

ТАТЬЯНА (Костѣ).

Жили вы въ Москвѣ двѣ недѣли, а все знаете... и сколько князей, и какіе трактиры... даже удивительно!

ЗОБНИНЪ.

Разговоръ у тебя лѣнивый... вродѣ какъ у беременной женщины... право! Ты перемѣни это!

КОСТЯ.

О, Господи! Да не понимаю я, что-ли? (Плюетъ сквозь зубы.) Человѣкъ думаетъ, какъ лучше, а вы ему голову грызете... Дайте мнѣ мысли мои обгарнизовать!

ЗОБНИНЪ (оглядываясь).

Ну, ну... валяй. Подмести надо. Иди-ка, спроси вѣникъ у сторожа.

КОСТЯ (уходя, ворчитъ).

Вѣникъ! Не вѣникъ, а половую щетку употребляютъ.

ТАТЬЯНА (отряхая юбку).

Уй, какъ я измазалась...

ЗОБНИНЪ (задумчиво).

Вотъ... двадцать пять годовъ ему, а умишко дѣтскій. Да и всѣ тутъ, ежели пристально поглядѣть... н-да! Вотъ-бы удалось мнѣ Кичкина

обойти... молебенъ-бы... о, Господи, помоги рабу твоему Мокѣю! Молись, Татьяна... тутъ и твоя судьба кружится!

КОСТЯ (вбѣжалъ и — радостно).

Глядите-ко, дядя Мокѣй!

Въ дверь, оттирая Костю и тяжко дыша, влѣзаетъ Кичкинъ, за нимъ — Марья и Типуновъ, съ кулаками въ рукахъ. Зобнинъ, смущенно посмѣиваясь, качаетъ головой сверху внизъ, Кичкинъ смотритъ на него и громко сопитъ. Костя, едва сдерживая смѣхъ, дѣлаетъ Типунову какіе-то знаки, тотъ схватилъ бороду въ руку и, закрывъ ею ротъ, подмигиваетъ Костѣ. Марья, оскаливъ зубы, смотритъ на Татьяну, Татьяна злобно отряхаетъ юбку.

КИЧКИНЪ (Зобнину, хрипло).

Упредилъ?

ЗОБНИНЪ (хихикая).

Пронюхалъ?

КОСТЯ (Марьѣ).

Бонъ журъ-съ!

ТАТЬЯНА (шипитъ).

Ты зачѣмъ съ ней говоришь?

МАРЬЯ.

Теперь вовсе не журъ, а суаръ! Что взяли, а?

КИЧКИНЬ.

Эхъ, Мокѣй, Мокѣй...

ЗОБНИНЪ (вздохнувъ).

Вотъ какъ, братъ, Иванъ Иванычъ... случилось!

КИЧКИНЪ.

Ну, и жуликъ ты, а?

ЗОБНИНЪ.

Да и ты тоже... шельма! Какъ это ты... догадался?

КИЧКИНЪ.

Не дуракъ я!

Въ дверь смотритъ, улыбаясь, начальникъ станціи. Зобнинъ, укоризненно качая головой, грозитъ ему пальцемъ.

ТИПУНОВЪ (быстро).

Вотъ что, купцы, — разговорцамъ тутъ не мѣсто, разговорцы — за дверь! Ужъ коли такъ сошлось...

КИЧКИНЪ (грузно садится).

Что ужъ тутъ...

ЗОБНИНЪ.

Н-да... Констянтинъ — соображай...

ТИПУНОВЪ.

Теперь сообща надобно...

КОСТЯ.

Обязательно!

Марья вертится по комнатѣ, смотритъ въ зеркало и всячески мѣшаетъ Татьянѣ.

ТАТЬЯНА.

Что вы толкаетесь?

МАРЬЯ.

Ахъ, пардонъ!

КИЧКИНЪ.

Эхъ, кабы не одышка у меня... я-бы тебѣ, Мокѣй! (Показываетъ кулакъ.) Прохвостъ...

ЗОБНИНЪ (миролюбиво).

Али руганью добьешься чего? Я-бы и самъ не хуже тебя обругался... да вѣдь какой толкъ?

КОСТЯ (мрачно).

Надобно, дядя, обгарнизоваться...

ТИПУНОВЪ.

Гарнизоны это называется или какъ... ну — слѣдуетъ скорѣе!

Костя шепчетъ что-то Марьѣ, она смѣется.

ТАТЬЯНА (Зобнину).

Братецъ — Константинъ, глядите-ка, шепчется!

КОСТЯ (возмущенно плюнулъ).

Ф-фу! Ну, и... нравы-же!

ЗОБНИНЪ.

Цыцьте! (Вздохнувъ). Какъ-же, Иванъ Ивановъ?

ТИПУНОВЪ.

Очень просто! (Пишетъ пальцемъ въ воздухѣ.)

Лѣсопромышленная компанія Зобнина и Кичкина — болѣ ничего!

КИЧКИНЪ.

Почему я сзади? Не желаю...

Костя, тихонько переругиваясь съ Татьяной, дѣлаетъ ей рожи, Марья хихикаетъ, Татьяна почти плачетъ.

ЗОБНИНЪ.

Не спорь ужъ! Мнѣ все равно — пусть на вывѣскѣ ты впереди стоишь.

КИЧКИНЪ.

И въ купчей...

ЗОБНИНЪ.

Ну, и въ купчей! На!

КИЧКИНЪ.

Во всѣхъ бумагахъ, чтобы я впереди стоялъ!

ЗОБНИНЪ.

Во всѣхъ! Изволь!

ТИПУНОВЪ (воодушевленно).

Вы того не забывайте — какое это дѣло! Золото! Не токмо на обоихъ хватитъ — потомствамъ даже до седьмого колѣна останется! Вѣдь это же какая краюха? Цѣлая мѣстность... весь уѣздъ! Тутъ-ли спорить? Тутъ-ли жадовать? Руби! Пили! Вези! Огребай деньги! Народишко изголодался, мужику цѣна — грошъ...

ЗОБНИНЪ (вздрагивая).

Н-да... это дѣло... оно-о!

КИЧКИНЪ (мычитъ).

О, Господи!

ТИПУНОВЪ (Кичкину).

Ну, кумъ, думай!

ЗОБНИНЪ.

Иванъ Ивановъ — рѣшайся!

КИЧКИНЪ (уныло).

Что-же? Я — тово...

ЗОБНИНЪ (горестно).

Судьба намъ такая — чтобы вмѣстѣ!

КИЧКИНЪ (уныло).

Н-да... не наша воля, видно!

ТИПУНОВЪ (весело).

Давайте лапы, эхъ-ма, Господи, благослови... на счастье! Сообща... въ соединеніи силъ... задувай-давай! Такіе эти... какъ ихъ, Костя?.. гарнизоны двинемъ...

КОСТЯ.

Гарнизаціи, если правильно говорить!

ЗОБНИНЪ.

Значитъ — надо выпить, что-ли?

ТИПУНОВЪ.

Теперь — обсоюзились... Ну-ка, Татьяна Антоновна, въ знакъ будущаго!

КИЧКИНЪ

(держитъ руку Зобнина и встряхиваетъ, точно пробуя нельзя-ли оторвать).

А я было тово...

ЗОБНИНЪ.

Да и я тоже, братъ...

КИЧКИНЪ.

Судьба намъ, значитъ, вмѣстѣ-то...

ЗОБНИНЪ.

Противъ судьбы всѣ мы — дѣти малыя! Тебя начальникъ извѣстилъ о пріѣздѣ?

КИЧКИНЪ.

Онъ.

ЗОБНИНЪ.

Вотъ, Констянтинъ, зубы-то! Давеча-бы дать ему...

КОСТЯ.

Чай онъ не теперь извѣстилъ.

ЗОБНИНЪ.

Дать-бы, да и спросить: извѣщалъ али нѣтъ? Ну — благословясь, выпьемъ, братья!

ТИПУНОВЪ.

И — разговорцы подъ лавку! Надо насчетъ встрѣчи обдумать...

ЗОБНИНЪ.

У насъ — обдумано.

КИЧКИНЪ.

И у насъ.

ЗОБНИНЪ.

Первое — чару ему съ дороги!

КИЧКИНЪ.

Покрѣпше!

ТИПУНОВЪ.

Чтобы сразу обмякъ!

ЗОБНИНЪ.

Можжевеловой ему...

КИЧКИНЪ.

У насъ — чайная есть. На чаю настоена...

ТИПУНОВЪ.

Смѣшать можно!

ТАТЬЯНА.

А какъ задохнется онъ съ этого?

ЗОБНИНЪ.

Эко! Пьемъ-же мы, а вотъ не задохлись!

ТИПУНОВЪ.

Выдержитъ! Послѣ — поздравить его ласковенько, съ возвратомъ на родное пепелище ...

КОСТЯ (ловитъ пальцами грибъ на тарелкѣ).

Онъ и подумаетъ, что это насмѣшка!

ЗОБНИНЪ.

Отчего — насмѣшка?

КОСТЯ.

Сожгли мужики усадьбу-то или нѣтъ?

КИЧКИНЪ.

Ну, конечно, объ этомъ не надо напоминать!

ЗОБНИНЪ.

Ай-да, Костя! Тонко взялъ!

КОСТЯ.

Чай я не дикарь!

КИЧКИНЪ (Типунову).

Вотъ, Петруха, мастеромъ ты считаешься въ рѣчахъ, а придумалъ плохо!

ТИПУНОВЪ.

Ничего!

ЗОБНИНЪ.

Стало быть тебѣ, Костя, и говорить рѣчь!

КОСТЯ

(разбираясь въ закускахъ одной и той-же вилкой).

Мнѣ все равно...

КИЧКИНЪ.

Первый кумъ скажетъ. Затѣмъ и взятъ.

ЗОБНИНЪ.

И Костя для этого.

КИЧКИНЪ.

Нѣтъ ужъ — первое слово, чтобы отъ насъ шло!

ТИПУНОВЪ.

Мы — оба вмѣстѣ скажемъ...

КИЧКИНЪ (тяжело).

Нѣтъ, ужъ ты первый... ты старше!

ЗОБНИНЪ.

Говори первый, Типуновъ! А Костя на загладку пойдетъ... Рѣшили?

КИЧКИНЪ (подозрительно).

Уступчивъ ты больно...

ЗОБНИНЪ.

А ты — боязливъ не въ мѣру!

КИЧКИНЪ.

У меня — одышка... Да дѣтей пятеро.

ЗОБНИНЪ.

Послѣ того — женщиновъ пустимъ противъ его...

ТИПУНОВЪ (съ улыбкой).

Для головокруженія, значитъ!

КИЧКИНЪ.

Вотъ я племянницу взялъ...

ЗОБНИНЪ.

У меня, братъ, сестренка... тоже очень достойна вниманія...

КИЧКИНЪ.

Она у тебя безсловесная... не годится...

ТАТЬЯНА.

Здравствуйте! Это я понимаю какъ обиду...

ТИПУНОВЪ.

Никакой обиды! Ну только какъ Маша по французскому можетъ...

МАРЬЯ.

Пожалуйста... я могу уйти... у меня интересовъ нѣтъ...

КИЧКИНЪ.

Я те уйду!

ТИПУНОВЪ.

Теперь — вопросецъ: гдѣ онъ остановится, у кого?

КОСТЯ.

У насъ приготовлено ему.

КИЧКИНЪ.

У насъ тоже... не суйся!

ЗОБНИНЪ (наливая водку).

Погодите! Остановится онъ — это мнѣ извѣстно — у себя въ усадьбѣ, вѣдь флигель-то цѣлъ!

КИЧКИНЪ.

Цѣлъ! А ты у себя на что приготовилъ?

ЗОБНИНЪ.

А ты?

КИЧКИНЪ.

Я! Мало-ли что... Мой-отъ отецъ у нихъ, у князей, бурмистромъ ходилъ.

КОСТЯ (Марьѣ).

Каковы люди?

ТАТЬЯНА.

Очень даже хороши, и напрасно ты къ ней подлизываешься... (Марьѣ). И вовсе князю не интересенъ вашъ языкъ этотъ!

МАРЬЯ.

А что-же ему интересно?

ТАТЬЯНА.

Да ужъ не языкъ, извините!

МАРЬЯ.

А что-же? Пожалуйста, скажите!

ТАТЬЯНА.

Да ужъ...

ЗОБНИНЪ.

Цыцъ, Татьяна!

КОСТЯ (горестно).

Вотъ, какія картины культурныхъ нравовъ...

МАРЬЯ.

Вуй! Кэ сэ тристъ!

Типуновъ смотритъ на нее съ недоумѣніемъ и отходитъ прочь, шевеля губами. Костя наливаетъ себѣ какой-то зеленой жидкости и пьетъ.

ТАТЬЯНА (тихо).

Слова! Сама, чай, выдумала...

БЫКОВЪ (входитъ).

Мокѣй Антонычъ!

ЗОБНИНЪ.

Ась?

БЫКОВЪ.

Евстигнѣйка просится до васъ.

ТИПУНОВЪ.

Этотъ — съ машинкой своей...

КИЧКИНЪ.

До него-ли? Гони!

ЗОБНИНЪ.

А, можетъ, допустить его? Вотъ, молъ, ваше сіятельство, есть у насъ изобрѣтающій человѣкъ...

КОСТЯ (иронически).

Очень это интересно столичному жителю!

ТИПУНОВЪ.

А если для смѣха выпустить его?

КОСТЯ.

Тогда-бы лучше лѣсникову собаку взять — она смѣшнѣе!

ЗОБНИНЪ (испуганъ).

Это... это ты зачѣмъ-же всѣ бутылки почалъ?

КИЧКИНЪ (въ сторонѣ — Марьѣ).

Ты, гляди, не уступай ей, слышь? Держись впередъ... ближе къ нему...

МАРЬЯ.

Знаю ужъ!

КИЧКИНЪ.

То-то...

КОСТЯ (жуетъ).

Для возбужденія мозга — надо мнѣ или нѣтъ? Странно!

БЫКОВЪ.

Стало быть — Евстигнѣйку гнать?

ТИПУНОВЪ.

Гони, дружокъ, гони его!

БЫКОВЪ.

Тамъ еще старуха...

КИЧКИНЪ.

Какая?

БЫКОВЪ.

Съ прошеніемъ, что-ли то...

ЗОБНИНЪ (тревожно).

На кого прошеніе?

КИЧКИНЪ (радостно).

На тебя, поди-ка!

ЗОБНИНЪ.

Ну, Господи-же! Даже взопрѣешь отъ этого! Гони ты всѣхъ, Быковъ!

КОСТЯ.

Хоть на часъ какой спрячьте вы куда нибудь всю эту дикость... стариковъ, слесарей, старухъ...

Кичкинъ осторожно подвигается къ двери, Зобнинъ слѣдитъ за нимъ, безпокойно потряхивая головой.

ЗОБНИНЪ.

Стало быть, Марья Викторовна, вы его займете...

ТИПУНОВЪ.

Ты, крестница, такъ и знай: мы тебя всегда для пріема знатныхъ лицъ будемъ употреблять...

ТАТЬЯНА.

А меня на что выволокли?

ЗОБНИНЪ.

А ты... ты въ глаза ему гляди!

ТАТЬЯНА.

Собака я что-ли?

Кичкинъ вышелъ, Зобнинъ, стоя у двери, слѣдитъ за нимъ въ щель, потомъ уходитъ.

ТИПУНОВЪ (ласково).

Вы его улыбочками, улыбочками! Да пошире эдакъ, поласковѣй — вотъ вамъ и должность!

ТАТЬЯНА (сдается).

Онъ и приметъ меня за дуру.

КОСТЯ (успокоительно).

Молчать будете — не приметъ.

ТАТЬЯНА (ядовито).

Глядите, однако, въ Семилужномъ у градскаго головы жена эдакъ-то принимала, принимала гостей, да однажды негритенка и родила...

МАРЬЯ (возмущенно).

Фи, какъ вамъ не стыдно! И вовсе не негритенка, а просто пестренькій онъ родился...

ТАТЬЯНА.

Не все ли равно?

МАРЬЯ.

И одна ножка — короче!

ТИПУНОВЪ (безпокойно).

Это куда-же воеводы ушли? Поругаются они... Костя — идемъ-ка...

КОСТЯ (икнулъ).

Охъ... ну, жизнь! (Уходитъ)

МАРЬЯ (озабоченно шепчетъ).

Вузэтъ тре земабль. Жэмъ боку льомъ дезармъ. Же сюи тре контанъ...

ТАТЬЯНА.

Нисколько это вамъ не поможетъ.

МАРЬЯ.

Почему-же? Объясните, силь ву плэ, пожалуйста!

ТАТЬЯНА.

Женатъ онъ.

МАРЬЯ.

Какія глупыя пошлости!

ТАТЬЯНА.

Нечего предо мной форсить! Вы сами иностранныя-то слова выдумываете! А вотъ у кого колечко ваше съ рубинчикомъ — это я знаю! Да-съ!

МАРЬЯ.

И я знаю. Ну-съ?

ТАТЬЯНА.

И больше ничего-съ!

МАРЬЯ.

И — глупо-съ!

ТАТЬЯНА.

Какъ-же ты смѣешь? Вѣдь я тебя старше!

МАРЬЯ.

А вы про колечко смѣете?

ТАТЬРЯНА.

Такъ я-же тебѣ и еще скажу...

МАРЬЯ.

А вы кого „шишечкой“ зовете?

ТАТЬЯНА (сѣла).

Я? Ой!..

МАРЬЯ.

Ага! А вы кому пишете — „сладкій мой Коликъ?“

ТАТЬЯНА (поражена).

Ай... Ахъ, онъ... мерза-авецъ...

МАРЬЯ.

Что? Вотъ и прикусите язычекъ!

ТАТЬЯНА.

Неужто... онъ разсказываетъ? Неужто самъ онъ?

МАРЬЯ.

Не онъ, такъ — вы!

ТАТЬЯНА (растерянно).

Ой, какъ-же это? Развѣ я разсказала-бы? Что вы! Кому мнѣ разсказывать?

МАРЬЯ.

Ну, ужъ я не знаю!

ТАТЬЯНА.

Да, можетъ, вы... врете?

МАРЬЯ.

Вы не писали?

ТАТЬЯНА (тихо).

А, можетъ, вы... сами догадались?

Марья хохочетъ. Въ дверь безпорядочно втискиваются мужчины: Кичкинъ, поднявъ руку съ прошеніемъ вверхъ; Зобнинъ, стараясь поймать бумагу; Типуновъ и Костя тоже хотятъ этого и — мѣшаютъ другъ другу. За ними испуганная, оробѣвшая старуха и — таращитъ глаза Евстигнѣйка.

КИЧКИНЪ (задыхаясь).

Нѣтъ, читай вслухъ!

ЗОБНИНЪ.

Чудакъ... да я-же прочитаю!

ТИПУНОВЪ.

Погоди, Костя...

СТАРУХА (ноетъ).

Ой, голубчики, разорвете вы...

ЗОБНИНЪ.

Костя — прочитай...

КИЧКИНЪ.

Кумъ — бери...

ЗОБНИНЪ.

Тарасьевна, дура! На кого прошеніе?

КИЧКИНЪ.

Ага-а? На кого-о?

СТАРУХА.

По случаю... пропажи, батюшка... зятекъ-отъ мой...

ТИПУНОВЪ.

Костя — да ты, давай, вмѣстѣ прочитаемъ!

КИЧКИНЪ.

Кумъ — держи!

ЗОБНИНЪ.

Чортъ тебя принесъ, старая лошадь...

КОСТЯ.

Да будетъ вамъ! Что такое?

СТАРУХА.

Батюшки — не порвите!

Всѣ тѣсно окружили чтецовъ. Евстигнѣйка осторожно пробирается вдоль стѣны и — никѣмъ не замѣченный — исчезаетъ въ уборной.

ТИПУНОВЪ (читаетъ)

„Его сіятельству, свѣтлѣйшему"...

КОСТЯ.

„Покровителю сирыхъ“... это не надо! „Имѣю честь извѣстить“...

ЗОБНИНЪ.

Да вы одинъ который нибудь...

ТИПУНОВЪ (читаетъ).

„Зять мой, Кириллъ Вараксинъ, вотъ уже четыре года находится въ безвѣстномъ отлученіи отъ жены, дочери моей“...

КОСТЯ (успокоительно).

Это пустяки какіе-то!

ТИПУНОВЪ (читаетъ).

„И жизни своей, можетъ быть, рѣшился“... Это не касается Мокѣй Антоныча!

КИЧКИНЪ.

До конца не касается? Вѣрно?

ТИПУНОВЪ.

До конца! Тутъ — о пропажѣ зятя.

КИЧКИНЪ (ворчитъ).

А, можетъ, Мокѣй прикосновененъ къ этой пропажѣ?

ЗОБНИНЪ (радостно).

Что-же ты, старушка, а? Какъ-же ты это, а?

СТАРУХА.

Да вѣдь, батюшка ты мой, дочка теперь не то вдова, не то — замужняя... какъ это понимать?

КИЧКИНЪ (Типунову).

А я думалъ — на него прошеніе, на Мокѣя! Обрадовался, было...

ТИПУНОВЪ.

А ты — погоди! Ты — потерпи!

ЗОБНИНЪ (старухѣ).

На тебѣ гривенничекъ и — иди съ Богомъ! Иди спокойно!

СТАРУХА.

Можетъ — онъ разрѣшилъ-бы ей?

ЗОБНИНЪ.

Теперь — мнѣ некогда! Потомъ — я-те разрѣшу... иди себѣ...

СТАРУХА.

Ужъ ты ей-то разрѣши...

ЗОБНИНЪ.

И ей разрѣшу... Вино и елей... Ухъ! Ну, Иванъ Ивановъ, подозрительный ты человѣкъ!

КИЧКИНЪ.

Да вѣдь ты вонъ какъ... забѣгаешь!

ЗОБНИНЪ.

А ты — давай, будемъ вѣрить другъ другу, право! Пусть кто другой ямы намъ копаетъ... Ты — простодушнѣй будь! Жизни тебѣ не больно много осталось...

КИЧКИНЪ.

Это — вѣрно. Выпьемъ давай, что-ли? Лѣшій...

КОСТЯ (Марьѣ)

Ф-фу! Я даже вспотѣлъ.

МАРЬЯ.

Же осси тре фатигэ... пардонъ! Я тоже устала... волнуюсь до костей.

КОСТЯ.

У насъ съ вами, можно сказать, первыя роли... (Вонзаетъ вилку поочередно въ грибъ, сардину и селедку.)

ЗОБНИНЪ.

Экой ты, братецъ мой, варваръ. Все расковырялъ, разварзалъ. Татьяна, ты чего глядишь?

ТАТЬЯНА.

Не понимаю даже зачѣмъ меня приводили.

ЗОБНИНЪ (угрожая).

Забудь-ка! Я те дома напомню!

КИЧКИНЪ.

Все перебуторено на тарелкахъ то! Кумъ, надобы и нашу провизію выложить.

ТИПУНОВЪ.

Хватитъ съ него!

ТАТЬЯНА.

Что-же ваше-то лучше нашего?

НАЧАЛЬНИКЪ СТАНЦІИ (въ двери).

Сейчасъ даю звонокъ къ поѣзду — какъ у васъ дѣла?

Общая суета. Костя залпомъ пьетъ три рюмки.

ЗОБНИНЪ.

Татьяна — бери подносъ! Оправься! Губы-то подбери... Ишь, развѣсила, словно флаги!

КИЧКИНЪ.

Марья — готовься! Кумъ, гляди! Господи, благослови...

НАЧАЛЬНИКЪ СТАНЦІИ.

А... позвольте! Вдругъ я выговоръ получу за устройство этого буфета?

ЗОБНИНЪ.

Другъ — не скучай! Все получишь какъ договорено!

НАЧАЛЬНИКЪ СТАНЦІИ.

Насорили... бумажки, солома... плевки! Эхъ, господа!

КОСТЯ (критически).

Дѣйствительно — хламу много! Любитъ русскій человѣкъ сдѣлать что нибудь неприличное.

МАРЬЯ.

Ахъ, это святая правда!

НАЧАЛЬНИКЪ СТАНЦІИ (кричитъ).

Быковъ! Подмети классную!

ЗОБНИНЪ (беретъ Кичкина за руку).
Ну, идемъ, благословясь!

ТАТЬЯНА (миролюбиво Марьѣ).
Очень это вѣрно насчетъ неприличія! Ѣхала я въ губернію намедни — такъ господинъ какой-то, который надо мною помѣстился, носокъ мнѣ на голову спустилъ...

МАРЬЯ (подвигаясь къ выходу).
Скажите, какое безобразіе!

ТАТЬЯНА.
Я говорю — что это вы дѣлаете? А онъ — вѣдь голову я вамъ не прошибъ, говоритъ...

МАРЬЯ.
Безстыдникъ!

ТАТЬЯНА.
И носокъ-то съ дыркой былъ...

МАРЬЯ (съ гримасой).
Фи, гадость...

ТАТЬЯНА.
Съ дыркой! Не женатый, видно, пассажиръ-то...

Ушли. Входитъ Быковъ со щеткой, притворилъ дверь и осторожно подходитъ къ столу. Улыбаясь, качаетъ головой, потомъ, взявъ бутылку, пьетъ изъ горлышка — у него занялось дыханіе и выкатились глаза.

БЫКОВЪ.

Ухъ... (Пьетъ изъ другой бытылки и снова ошеломленъ.) Н-ну... это на совѣсть!..

Дверь изъ уборной пріотворяется, выглядываетъ Евстигнѣйка. Быковъ закрывъ глаза, широко улыбается.

ЕВСТИГНѢЙКА (хрипло).

Скажу!

БЫКОВЪ.

(испугался и опрокинулъ рюмку съ наливкой въ тарелку съ грибами).

Ты? Это ты какъ-же, а?

ЕВСТИГНѢЙКА.

Скажу!

БЫКОВЪ.

Кто тебѣ разрѣшилъ тутъ, а?

ЕВСТИГНѢЙКА.

Поднеси, а то — скажу!

БЫКОВЪ (храбро).

Я-те поднесу! Пошелъ вонъ!

ЕВСТИГНѢЙКА (выходя).

Не гони! Все равно — окошко разобью, а влѣзу! Я рѣшился на все! Я такой случай не могу пропустить...

БЫКОВЪ (смягчаясь).

Ахъ ты..., когда это ты залѣзъ, а?

ЕВСТИГНѢЙКА.

Поднеси, говорю! Мнѣ для храбрости надобно...

БЫКОВЪ.

А если я тебя... по шеѣ? Или жандара призову?

ЕВСТИГНѢЙКА (неуклонно).

Билъ ты меня, и жандаръ билъ, это — безъ толку! Я своего достигну — окошко разобью! Какъ этотъ князь войдетъ, я сейчасъ башкой въ окошко и на колѣни передъ нимъ...

БЫКОВЪ.

Ну, характеръ у тебя, шельма! (Подаетъ ему бутылку.) На, да гляди, не много лакай...

Евстигнѣйка выпилъ, задохнулся и третъ себѣ грудь и горло.

БЫКОВЪ (гордо.)

Что? Хватилъ? То-то! Это, братъ, не для шутокъ сдѣлано... Ну — теперь уходи!

ЕВСТИГНѢЙКА.

Митрій — ты меня оставь тутъ!

БЫКОВЪ (его уже тронуло).

Нельзя-а! Вдругъ ты его испугаешь? Мнѣ отвѣчать!

ЕВСТИГНѢЙКА.

Не бойся, я — тихо! Я, братъ, не подведу!

БЫКОВЪ.

Ахъ, Господи! Ну какъ быть? (Рѣшительно) Полбутылки — ставишь?

ЕВСТИГНѢЙКА.

Бутылку!

БЫКОВЪ.

Врешь?

ЕВСТИГНѢЙКА.

Громъ убей!

БЫКОВЪ.

Въ воскресенье?

ЕВСТИГНѢЙКА.

Какъ въ аптекѣ!

БЫКОВЪ.

Ну — сиди! Я, братъ, тоже не безъ души живу! Я понимаю — всякому хочется перемѣнить жизнь... эхъ! (Поѣздъ подходитъ.) О, пострѣли-те горой... вотъ-те... эхъ, ты...

Убѣжалъ, бросивъ щетку на полъ. Евстигнѣйка быстро и ловко глотаетъ вино изъ рюмокъ, приготовленныхъ на подносѣ, потомъ, обожженный, прячется въ уборную. Типуновъ открываетъ дверь, пятясь задомъ входитъ Зобнинъ, на него наступаетъ Бубенгофъ, рядомъ съ нимъ, растерянно улыбаясь, идетъ князь — онъ, видимо, удивленъ и польщенъ встрѣчей. Сзади на него наваливаются Кичкинъ, Костя; обѣ женщины, стараясь пройти впередъ,

толкаютъ ихъ. За ними слѣдуетъ пассажиръ навеселѣ, начальникъ станціи, телеграфистъ, жандармъ, старуха съ прошеніемъ и какіе-то мужики.

ЗОБНИНЪ (поетъ).

Просимъ покорнѣйше... въ радостяхъ пріѣзда... изъ глубины душъ... Татьяна, что-же ты?!

КОСТЯ (Зобнину).

Позвольте, вѣдь я говорю!

ТАТЬЯНА (у стола).

Батюшки! Кто это вылокалъ? Машенька... наливайте скорѣй...

КИЧКИНЪ (Бубенгофу).

Вретъ онъ... жуликъ онъ...

БУБЕНГОФЪ (брезгливо).

Што-о такой?

КНЯЗЬ.

Это очень... очень по русски... Не ожидалъ, право... весьма тронутъ...

ЗОБНИНЪ (въ тихомъ восторгѣ).

Просимъ ваше сіясь — хлѣбъ-солью! (Шепчетъ въ отчаяніи). Татьяна же, извергъ! Зарѣзала! По стародавнему обычаю... отъ грековъ, ваше сіясь... (Запнулся черезъ щетку, пошатнувшись опустился на стулъ, сконфуженно поднялъ щетку). Щеточку забыли... дьяволы...

КНЯЗЬ.

Вотъ оно, Бубенгофъ, русское гостепріимство, видите? Такъ простодушно, по дѣтски...

БУБЕНГОФЪ (ворчитъ).

Ню... Ню... они наступайтъ сапогомъ на пальци моговъ мнѣ... И тутъ есть крѣпкій запахъ...

Татьяна и Марья встаютъ передъ княземъ съ подносомъ, сзади нихъ — Типуновъ и Костя, слѣва отъ этой группы Кичкинъ стремится что-то разсказать Бубенгофу, справа подпрыгиваетъ Зобнинъ, въ нетерпѣніи потирая руки. Пассажиръ, сладко улыбаясь, ходитъ вокругъ стола, въ дверяхъ — начальникъ станціи и другіе.

КОСТЯ (слишкомъ громко).

В-ваше сіятельство...

КНЯЗЬ (отодвигаясь).

О...

ЗОБНИНЪ (тихонько).

Не ори, балда!

ТАТЬЯНА (Марьѣ).

А говорили — глухой!

КИЧКИНЪ (тревожно).

Кумъ! Ты чего молчишь? Говори!

КОСТЯ.

Мы всѣ тутъ собрались, ваше сіятельство, простые

русскіе люди этого края... и чувствуемъ честь посѣщенія вашего палестины древней... гдѣ ваши знаменитые потомки...

ТИПУНОВЪ (шепчетъ).

Что ты? Предки, предки...

КОСТЯ.

И предки истощались въ трудахъ среди невѣжественнаго народа, который ничего не понимаетъ добраго и... любитъ дикое безобразіе... и не снабженъ никакой культурой, кромѣ древнихъ дворянскихъ родовъ... которые въ трудахъ на пользу отечества отъ младенчества до гроба остаются все такими-же, тогда какъ другіе...

Постепенно запутываясь въ словахъ, онъ говоритъ все тише. Евстигнѣйка пріотворяетъ дверь ожидая удобнаго момента, и, закрывая, хлопнулъ ею. Кичкинъ услыхавъ этотъ звукъ оглянулся, поглядѣлъ на дверь и считаетъ публику.

ПАССАЖИРЪ (Типунову).

Вы — буфетчикъ?

ТИПУНОВЪ (вѣжливо).

Извините... нисколько!

ПАССАЖИРЪ (задумчиво).

Странно!

КОСТЯ (снова поднимая голосъ).

И вотъ, мы, простые люди захолустья... предлагаемъ вашему сіятельству, выпить за... за ваше драгоцѣнное здоровье! Ура!

(Всѣ кричатъ ура.)

КНЯЗЬ.

Очень благодаренъ! Это — неожиданно, я не думалъ, что мой родъ пользуется ...но я зналъ, что простой русскій человѣкъ — это чистая, дѣтская душа...

КИЧКИНЪ (наблюдая за дверью).

Простой-отъ? Мужикъ-отъ? Ну, ужъ нѣтъ... Онъ — ого-о! Онъ...

ТИПУНОВЪ.

Вѣрно, ваше сіятелство! Необыкновенно даже просты мы... до сѣдыхъ волосъ — дѣти ваши!

ЗОБНИНЪ.

Выкушайте, ваше сіясь... это мѣстная, наша...

КНЯЗЬ.

Да? Съ наслажденіемъ... (Пьетъ сразу. Изумленно открылъ ротъ и смотритъ на всѣхъ, часто мигая глазами).

Всѣ смотрятъ на него, радостно улыбаясь. Бубенгофъ взялъ рюмку, понюхалъ, выпилъ и — смотритъ въ потолокъ. Костя, утомленный рѣчью, отошелъ къ столу и тамъ тоже выпиваетъ. Марья — около него что-то говоритъ, гримасничая.

ПАССАЖИРЪ (Татьянѣ).

Прекрасная буфетчица, позвольте мнѣ...

ТАТЬЯНА.

Вовсе я не буфетчица!

ПАССАЖИРЪ (беретъ рюмку).

Все равно!

МАРЬЯ (любезно).

Вы — въ свитѣ князя?

ПАССАЖИРЪ.

Я? Нѣтъ! Я просто люблю въ дорогѣ вышить...

КНЯЗЬ (слабо).

Это... изъ чего... сдѣлано?

ЗОБНИНЪ.

Можжевельникъ! На чистомъ спиртѣ настоена! Вы — грибкомъ ее погладьте! Она требуетъ сопровожденія маринованнымъ грибомъ-съ!

КИЧКИНЪ

(Типунову, тихо, указывая на дверь уборной).

Кумъ! Тамъ кто-то есть...

ТИПУНОВЪ.

А ты слѣди за дѣломъ-то! (Быстро распаковываетъ кулекъ).

КНЯЗЬ.

Вотъ этимъ грибомъ?

ЗОБНИНЪ.

Самымъ этимъ!

КНЯЗЬ

(взялъ грибъ въ ротъ и — жалобно).

Тоже... на спиртѣ?

ТАТЬЯНА.

Въ уксусѣ отварены... пожалуйте, возьмите еще!

КНЯЗЬ.

Благодарю... довольно! Вотъ, Бубенгофъ, попробуйте... это удивительно!

Бубенгофъ взялъ грибъ въ ротъ и ходитъ по комнатѣ, глядя на всѣхъ со строгимъ удивленіемъ. Вышелъ за дверь, тотчасъ воротился и внимательно разсматриваетъ закуски.

КНЯЗЬ (осторожно).

Вы... часто употребляете это?

ЗОБНИНЪ.

При досугѣ — позволяемъ себѣ...

ТАТЬЯНА.

По праздникамъ!

МАРЬЯ.

Ахъ, ваше сіятельство, они ужасно много пьютъ... просто какъ лошади!

КНЯЗЬ.

Да?

КИЧКИНЪ (строго).

Ты знаешь сколько — много-то?

ТИПУНОВЪ.

(суетъ въ руки Марьѣ бутылку и рюмку).

Вотъ, ваше сіятельство, тоже замѣчательный напитокъ! На чаѣ и березовыхъ почкахъ. Вамъ, который есть князь русскій, надобно знать всѣ продукты мѣста и — позвольте еще разъ за ваше свѣтлое здоровье...

Марья, улыбаясь, подаетъ ему рюмку, князь — безпомощно оглядывается, что-то говоритъ Бубенгофу, тотъ киваетъ головой. Всѣ взяли рюмки.

КНЯЗЬ.

Когда такія милыя ручки... я не смѣю отказаться... хотя это крѣпко...

КОСТЯ.

Въ крѣпости и сила, ваше сіятельство! Взять, примѣрно, Портъ-Артуръ, сколько около него врага погибло... Ура!

Кричатъ ура. Бубенгофъ выпилъ раньше всѣхъ и мотаетъ головой. Князь, поклонившись дамамъ, выпилъ наклонилъ голову и отошелъ къ окну. Всѣ за нимъ наблюдаютъ.

БУБЕНГОФЪ.

Этотъ напитокъ есть очень опасенъ для жизнь...

ПАССАЖИРЪ (Татьянѣ).

Превосходный буфетъ у васъ, королева!

ТАТЬЯНА.

Кушайте, если вы съ княземъ! Но только это не буфетъ...

ПАССАЖИРЪ (удрученъ).

Нѣтъ? Странно... Что-же это?

ТАТЬЯНА.

Пріемъ! Развѣ вы не понимаете?..

ПАССАЖИРЪ (наливая водки).

Чрезвычайно странно... (Выпивъ, онъ смотритъ на часы и — хохочетъ. Идетъ къ двери, пошатываясь, и исчезаетъ за нею).

МАРЬЯ (Костѣ).

Ой, не хорошо ему...

ЗОБНИНЪ (робко).

Ваше сіятельство...

КНЯЗЬ (живо обернулся).

Нѣтъ, больше я не могу... Я вотъ... смотрю... какой широкій горизонтъ у васъ...

ЗОБНИНЪ (находчиво).

Стараемся, ваше сіясь!..

КНЯЗЬ (рѣшительно).

Бубенгофъ... намъ надо торопиться!

БУБЕНГОФЪ (Кичкину).

У васъ имѣетъ лёшадь?

КИЧКИНЪ.

Лошади? Пять у меня ихъ...

БУБЕНГОФЪ.

Вы везете мой и этотъ князь?

КИЧКИНЪ.

Кумъ! Чего онъ говоритъ?

КНЯЗЬ (замѣтно оживился, Марьѣ).

Вамъ не скучно здѣсь, а?

МАРЬЯ (растерялась отъ неожиданности).

О, но! Же сюи... очень довольна... жэмъ боку ля натюръ... тишину е ле флеръ... (Окончательно смутилась, сдѣлала реверансъ. Костя укоризненно качаетъ головой, Зобнинъ радостно шепчетъ что-то Костѣ, Татьяна — довольна, хихикаетъ.)

КИЧКИНЪ (мрачно).

Она въ гимназіи пять лѣтъ училась.

БУБЕНГОФЪ

(усмѣхаясь говоритъ Типунову, постукивая себя по лбу пальцемъ).

У этотъ шеловѣкъ очень много нѣтъ мозги...

ТИПУНОВЪ (ласково).

Намъ, господинъ, много-то мозговъ и не требуется... мы отъ избытковъ своихъ всѣмъ съ нищими дѣлимся...

Евстигнѣй все чаще пріотворяетъ дверь уборной. Это замѣтила Татьяна; сначала смутилась, но потомъ, узнавъ Евстигнѣя, устроила себѣ развлеченіе: какъ только онъ пріоткроетъ дверь, она открываетъ ротъ, точно собирается крикнуть. Евстигнѣй — испуганно прячется, Татьяна — хихикаетъ.

КНЯЗЬ (смущенно Зобнину).

А какъ вы ... какъ, напримѣръ, у васъ ископаемое богатство?

Всѣ подозрительно смотрятъ другъ на друга.

ЗОБНИНЪ (находчиво).

Да чтожъ, ваше сіятельство, копаемся, конечно понемножку ...

ТИПУНОВЪ.

Люди мы заштатные, силы у насъ не великія ...

МАРЬЯ.

Ахъ, это не то! Ископаемое — это что въ землѣ лежитъ ...

КИЧКИНЪ. (сурово).

А ты — молчи! Въ землѣ! Въ землѣ-то покойники лежатъ! (Рѣшительно). Вотъ, что, ваше сіятельство, давайте говорить попросту ...

ЗОБНИНЪ (торопливо).

Вотъ, ваше сіятельство, я, стало быть, желаю ...

КИЧКИНЪ.

И я...

ТИПУНОВЪ.

Мы имѣемъ къ вамъ дѣльце...

КНЯЗЬ (теряется).

Очень радъ... очень! Бубенгофъ — что-же лошади?

БУБЕНГОФЪ (пожимая плечами).

Здѣсь нѣтъ лешади... это совсѣмъ другой звѣри... я не понимайтъ никому...

КИЧКИНЪ.

Кумъ! Говори, чортъ, подробно!

ЗОБНИНЪ (князю, ласково).

Лошадки вамъ у меня готовы и помѣщеніе — готово, пожалуйте!

КИЧКИНЪ (свирѣпо).

Какъ это?

КНЯЗЬ.

Благодарю васъ...

КОСТЯ (отталкивая Кичкина).

Пожалуйте, ваше сіятельство! У насъ все готово!

КИЧКИНЪ (оретъ).

Угарно у него! У него въ третьемъ году теща отъ угара умерла, коли онъ ее подушкой не задушилъ...

КОСТЯ (плюетъ).

Ну, прорвало! Эхъ, вы, дикарь...

КНЯЗЬ (испуганно, Марьѣ).

Mademoiselle.. объясните мнѣ...

МАРЬЯ.

Ахъ, авекъ плэзиръ...

КИЧКИНЪ (кричитъ).

Они — темные люди...

ЗОБНИНЪ (Типунову).

Уйми ты его...

ТИПУНОВЪ.

Вотъ я сейчасъ...

КОСТЯ (князю).

Вотъ, видите, среди какихъ лицъ проходятъ младые дни юности! (Беретъ его подъ руку.) Пожалуйте на лошадей...

КИЧКИНЪ (хватая Костю).

Кумъ! Гляди...

ТИПУНОВЪ.

Позвольте, не спѣшите! Ваше сіятельство! Позвольте вамъ обяснить причину ожесточенія...

КНЯЗЬ (жалобно).

Я — очень хочу понять! Пожалуйста! И, если можно... мнѣ пора ѣхать...

ТИПУНОВЪ.

Вотъ наша рѣчь: мы трое, здѣшніе люди торговаго сословія, желаемъ снять вашъ лѣсъ — вотъ мы: всѣ здѣсь – Мокѣй Зобнинъ, Иванъ Кичкинъ и я, Петръ Типуновъ...

БУБЕНГОФЪ (изумленъ).

Што-о такой?

ЗОБНИНЪ (тихо).

Трое? Ай да Петруха, а! Костя, а?

КИЧКИНЪ (бормочетъ).

Господи, Исусе! Кумъ... и ты? Ахъ, собака!

ТИПУНОВЪ (захлебываясь).

Мы весь лѣсъ вашъ можемъ взять..., мы весь его... мы-бы, знаете...

КИЧКИНЪ.

Ну, песъ! Эхъ, люди...

КОСТЯ (Бубенгофу).

Вотъ — видите...

БУБЕНГОФЪ (красный, надутый).

Не хочу... не вижу! (Отходитъ въ уголъ, сердито фыркая).

КНЯЗЬ (увѣщевая).

Послушайте, господа... Бубенгофъ, что же вы? Объясните вы имъ, я совершенно потерялся...

Послушайте, господа! Но — лѣсъ, весь мой лѣсъ — запроданъ мной...

КИЧКИНЪ.

К-какъ-же?... Кому-же?..

ЗОБНИНЪ.

Запроданъ?

ТИПУНОВЪ.

Вѣрно это, господинъ нѣмецъ?

БУБЕНГОФЪ (хлопая себя по боку).

О, это — здѣсь! Лѣсъ? Нѣтъ — лѣсъ! Это — мой... который купилъ лѣсъ, это я! Вся его купилъ! Фертигъ! Понимайтъ?

Всѣ убито смотрятъ на него и на князя. Молчаніе.

МАРЬЯ (тихо Костѣ).

Ой, какіе всѣ вдругъ глупые стали...

КОСТЯ (ворчитъ).

Вотъ-те и обгарнизовали промышленность туземнаго края!

ТИПУНОВЪ.

Э... нвъ за чего-же мы старались?

БУБЕНГОФЪ.

Ню... кончилось? Кто имѣйтъ лешали? (Зобнину.) Ви это?

ЗОБНИНЪ (уныло).

А я на чемъ домой поѣду?

КИЧКИНЪ.

Вотъ, Мокѣй . . . а?

ТИПУНОВЪ.

Да-а . . . какъ-же это? Ничего не слыхать было . . .

Всѣ трое сошлись и совѣщаются о чемъ-то. Князь тихо разговариваетъ съ Марьей. Костя старается подслушать, Татьяна увлечена игрой съ Евстигнѣемъ.

ПАССАЖИРЪ

(входитъ, очень обрадованъ, Бубенгофу).

Вы . . . мейнъ герръ. что-ли? Шпрехенъ зи дейчъ?

БУБЕНГОФЪ (гордо).

Ja wohl! Natürlich!

ПАССАЖИРЪ

(тыкая его пальцемъ въ животъ).

Пруссія! Уважаю! А поѣздъ мой — ушелъ! Хотѣлъ я записать объ этомъ въ жалобную книгу, да у жены начальника станціи зубы болятъ . . . жалко его!

БУБЕНГОФЪ.

Што ви хотитъ отъ меня?

ПАССАЖИРЪ (удивленно).

Второй разъ, братъ, не попадаю я въ поѣздъ! А ѣхать мнѣ еще верстъ триста . . . каково, а?

БУБЕНГОФЪ.

Но што ви желайтъ?..

ПАССАЖИРЪ.

Выпить желаю... Идемъ нахъ буфетъ! (Бубенгофъ идетъ охотно). Да познакомь меня съ этимъ..., князь онъ, что-ли...

БУБЕНГОФЪ (наливая водки).

О, нѣтъ...

ПАССАЖИРЪ.

От... почему? (Пьетъ.)

ТАТЬЯНА (смѣется).

Ой, Господи...

ПАССАЖИРЪ.

Прекрасная буфетчица — отпочему вы смѣетесь?

ТАТЬЯНА.

Да нѣтъ-же такого слова!

ПАССАЖИРЪ.

Отпочему нѣтъ? Выпьемте, дорогая, за здоровье моей тетки, ей богу... Умираетъ она... а я ѣду къ ней... я — наслѣдникъ! Ура!

ТАТЬЯНА.

Ну, какой-же вы смѣшной...

Дверь изъ уборной широко распахнулась — вылетѣлъ Евстигнѣй, упалъ передъ

княземъ на колѣни. Князь отскочилъ, Марья взвизгнула, Татьяна хохочетъ. Бубенгофъ схватилъ Евстигнѣя за плечи, всѣ остальные — удивлены, но охвачены любопытствомъ, ожидаютъ скандала. Пассажиръ садится рядомъ съ Татьяной, привѣтливо улыбаясь ей, и тоже начинаетъ смѣяться пьянымъ смѣхомъ.

БУБЕНГОФЪ.

Што такой, эй...

ЕВСТИГНѢЙКА (бьется).

Подь ты къ чорту, рыжій! Ваше сіятельство, дозвольте отечеству пользу принести! Семь годовъ работалъ, разорился...

КНЯЗЬ.

Что съ вами? Кто вы?

ЕВСТИГНѢЙКА.

Тутошній слесарь... всѣ знаютъ... всѣми осмѣянъ... для пользы родины, ей Богу! Даромъ отдамъ, только-бы работала она...

КНЯЗЬ.

Кто-о? (Ко всѣмъ.) Господа — что это? Что за человѣкъ?

КОСТЯ (передернувъ плечами).

Просто машину выдумалъ...

ПАССАЖИРЪ (засыпаетъ).

Сосѣдъ... разбудите меня...

ЕВСТИГНѢЙКА.

Ваше сіятельство! Перепетумъ состроилъ я...

БУБЕНГОФЪ.

Што онъ говоритъ?

ТИПУНОВЪ.

Не знаю. Это нѣмцы все знаютъ, а мы... куда намъ!

ЕВСТИГНѢЙКА (со слезами).

Перепетумъ, баринъ, ей богу! Вся надежда на васъ... послѣдняя!.. А то — пропалъ я! Очень ужъ просто: вродѣ станка она, въ какомъ лошадей куютъ...

КНЯЗЬ.

Что ему нужно?

КИЧКИНЪ (угрюмо).

Вотъ и догадайся...

ЕВСТИГНѢЙКА (воодушевленно).

А въ серединѣ — колесо съ ковшами, вродѣ мельничнаго. Ежели теперь наверху станка поставить человѣка, чтобы онъ въ ковши эти гири, али булыжники бросалъ — колесо вертится, ей Богу! Безъ остановы будетъ вертѣться, весь вѣкъ, только тяжести давай ему...

БУБЕНГОФЪ (догадался).

О, это перпетуумъ... ф-фа! (Хохочетъ.) Перпетуумъ!

КНЯЗЬ (разстроенъ).

Нѣтъ, я не могу... я — извиняюсь... Я пойду просить... тутъ должны быть лошади!

БУБЕНГОФЪ (Кичкину).

Гдѣ ваши лёшади?

КИЧКИНЪ (усмѣхаясь).

А тебѣ на чго? Ты конокрадъ, али кто?

БУБЕНГОФЪ.

Ми... нужно ѣхать!

ТИПУНОВЪ (вѣжливо).

Съ Богомъ! Мы середь дороги вашей не стоимъ!

БУБЕНГОФЪ (Зобнину).

Лёшади?

ЗОБНИНЪ.

Костя, чего онъ ко мнѣ лѣзетъ?

КНЯЗЬ (ко всѣмъ).

Господа... вы, кажется, обидѣлись... но лѣсъ запроданъ давно уже... Слушайте, Бубенгофъ... надо спросить начальника станціи... онъ устроитъ лошадей... (Идетъ къ двери, прикрываясь Бубенгофомъ и бормочетъ). Я очень благодаренъ за честь... ваше простодушіе... досвиданья...

МАРЬЯ (Татьянѣ).

Фи, какой невѣжа! (Татьяна распрашиваетъ ее о чемъ-то).

ЕВСТИГНѢЙКА (вставая на ноги).

Что-же, понялъ онъ, али нѣтъ?

ТИПУНОВЪ.

Поймутъ они, дожидайся!

ЗОБНИНЪ.

Больно нужны мы имъ!

ЕВСТИГНѢЙКА (бросаясь къ двери).

Эхъ, пойду я...

КОСТЯ (хватая его).

К-куда?

ЕВСТИГНѢЙКА.

Онъ не понялъ... пусти!

КОСТЯ.

Хошь — поднесу?

ЕВСТИГНѢЙКА (отчаянно).

Давай... для храбрости! Пропало мое дѣло! (Костя поитъ его изъ всѣхъ бутылокъ по очереди).

ЗОБНИНЪ.

Что, братъ, Иванъ Иванычъ?

КИЧКИНЪ.

Н-да-а! Вѣдь вотъ, глядите-ка, человѣкъ эдакой обходительный, ласковый... а продать — успѣтъ!

ТИПУНОВЪ.

Продавать они навострились!

ЗОБНИНЪ.

Пропали всѣ наши труды... (Выглядывая за дверь.) Старуха его сцапала таки...

КИЧКИНЪ.

Мастера они продавать...

Всѣ, грустно вздыхая, молчатъ. Костя занятъ съ Евстигнѣемъ, въ углу храпитъ пассажиръ.

МАРЬЯ (вполголоса).

Я даже думаю, что онъ не понимаетъ французскаго языка...

ТАТЬЯНА.

Видитъ дама стоитъ предъ нимъ съ подносомъ, руки у нея дрожатъ и хоть-бы спасибо сказалъ...

МАРЬЯ.

Очень невѣжливъ съ женщинами...

ТАТЬЯНЯ.

Другой-бы... (Шепчетъ.)

МАРЬЯ.

Конечно!

ТИПУНОВЪ.

Эхъ, братья! Выпьемъ, что-ли?

ЗОБНИНЪ.

Не домой-же везти всю эту провизію... Татьяна, наливай-ка!

ТАТЬЯНА (Зобнину).

А онъ вовсе не глухой...

КИЧКИНЪ.

Какое намъ отъ этого удовольствіе?

ТИПУНОВЪ (указывая на пассажира).

Вотъ еще горемыка...

ЗОБНИНЪ.

Онъ чего тутъ?

ТИПУНОВЪ.

Отъ поѣзда остался!

Всѣ пьютъ.

КОСТЯ.

Разбудить надо этого...

ЕВСТИГНѢЙ (пьяный).

Уши ему тереть надо... дайте я его сейчасъ...

ЗОБНИНЪ.

Онъ и такъ воспрянетъ... Костя, поднеси ему къ носу рюмку!

КОСТЯ (поднося).

Путешествующій! Москва близко!

ТИПУНОВЪ (толкнулъ Костю подъ локоть).
Эко!

Костя облилъ пассажира виномъ — всѣ хохочутъ.

КИЧКИНЪ (добродушно).
Вотъ, Мокѣй, спорили мы съ тобой, спорили...

ЗОБНИНЪ (такъ-же).
А ничего и не вышло... Прямо сказать — зря мѣшали другъ другу!

КИЧКИНЪ.
Ужъ больно ты ловокъ!

ЗОБНИНЪ.
А ты — жаденъ! И отчего ты такъ жаденъ?

КИЧКИНЪ.
Али замѣтно?

ЗОБНИНЪ.
Страсть! Прямо — звѣрь... А куда тебѣ? Помрешь скоро...

КИЧКИНЪ.
Это вѣрно! Жить мнѣ мало осталось... Такъ это я, по привычкѣ...

ЗОБНИНЪ.
Ну, давай, еще хватимъ!

КИЧКИНЪ.

Да и тебѣ хочется помѣшать... ужъ больно ты ловокъ... забѣгаешь больно...

Въ углу занимаются съ пассажиромъ.

ТИПУНОВЪ (озабоченно).

Нѣтъ-ли табаку нюхальнаго гдѣ? Табаку-бы ему въ носъ насыпать...

КОСТЯ.

Стой... Проснулся...

ПАССАЖИРЪ (испуганно).

Какая... какая станція?

ТИПУНОВЪ.

Та-же!

Дамы смѣются. Костя дѣлаетъ страшное лицо, наклоняясь къ пассажиру.

ПАССАЖИРЪ.

Позволь... опять вы?

Всѣ хохочутъ.

ТАТЬЯНА.

Ой, умру... ахъ!

МАРЬЯ (смѣясь).

Что это, право... точно маленькіе...

ЗОБНИНЪ.

Константинъ! Зови начальника и всѣхъ желающихъ... однимъ намъ не допить все это... эвона, сколько тутъ! Эхма, братья, не ведетъ намъ, не за насъ судьба...

Занавѣсъ.

RUSSIAN BRANCH
SOCIETY

PG Pod rozgoi
3450
A1P63

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 08 06 04 013 5